

Илларион Гуливер

**Исповедь
Джонатана
Гулливера**

Часть 1

*Ирландский
пилигрим*

Отрывок из романа

Москва

Частное издательство «Золотое сечение»

2009

Предисловие автора

Тот, кто встречался с призраком, меня поймет с первых слов. У большинства людей есть основание относиться к моему откровению скептически. Если честно, я и сам до сих пор не могу поверить в реальность происшедшего. Часто с холодком внутри вспоминаю полуночный монолог моего далекого предка Джонатана Гулливера.

Внезапное пересечение с далеким прошлым во многом изменило мое отношение к жизни и смерти.

Призрак, появившись ниоткуда, исчез, как мне показалось, через секунду. Теперь я подсознательно жду его возвращения. Уже долгих пятнадцать лет жду. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что он все-таки был. Тщетно...

Особенно мне запали в душу слова Джонатана: «Увы, я не стал героем Ирландии. По злой воле обстоятельств не стал ирландским героем и мой отец. Но его хоть, благодаря дядюшке Свифту, знает вся планета. А кто он на самом деле-то, папка мой? Кому это нужно?»

Правда не умирает. Она всегда, даже после смерти человека, вес имеет. Но, не смотря на тяжесть, есть у правды одно замечательное свойство — всплывать!

За время написания этой книги я потерял любимую женщину, престижную работу, дом. Наверное, это только часть расплаты за предательское раскрытие тайны исповеди. Но, извините, я не священник! Я не могу все это держать в себе! И не хочу.

За возможные несоответствия в изложении ответственности не несу! Это не моя история, не моя жизнь. Это лишь пересказ исповеди привидения...

© Гулливер И.В., 2008

© Оформление. Частное издательство
«Золотое сечение», 2008

«Все очень просто. В сказке обман...»

Андрей Макаревич

Глава 1

Первого июня тысяча семьсот десятого года, в свой двадцатый по счету день рождения, я стоял на берегу Дублинского залива и, может быть впервые, смотрел на свою жизнь каким-то посторонним, даже сказал бы, философским взглядом. До моего ухода в мир призраков оставалось ровно пять лет...

В тот солнечный день мысли мои кипели, переплетались в замысловатом эйфорическом виновороте, который временами отрывал разумную часть меня от уставшего тела, перенасыщенного алкоголем.

После прогулки с друзьями по набережной Лиффи я чувствовал себя глупо и виновато. Как теперь смотреть в глаза соседям, которым мы доставили немало неприятных минут своими хамскими выходками. И забор сломали... Это ужасно! Мы явно переборщили, причем во всем. Не мудрено, ведь в своем поведении, этаким шумном, в большей степени показном дуракавалянии, ирландские студенты уступали разве что перепившим английским матросам. Прекрасное, безрассудное время...

В праздник моего Ангела, черт побери, друзья, неизвестно кто куда, испарились. Исчезли, улетучились, пропали! Простились мы, или нет, хоть убей, не помню. Думаю, ребята подались, к податливым девочкам, каких в Дублине всегда хватало. Это вероятнее всего. Мне же в амурных делах катастрофически не везло. А причина тому — Бетти, сестра моя. Она ежедневно умудрялась подчеркнуть во мне кучу недостатков, из-за кото-

рых, по ее мнению, ни одна порядочная девушка не подойдет ко мне ближе, чем на милю! Накаркала сестренка! Девушки, действительно, не подходили. А как хотелось! На сестренку я никогда не обижался. Обыкновенная дурочка. При всех ее изъянах, все же достойная любви и прощения. Но и издеваться над собой я ей особо не позволял, не смотря на то, что она была старше меня на целый год.

Нет, врать ни к чему, опыт всякого разного рода поцелуечиков, щупаний девичьих сисек, задирааний подолов у меня, конечно, имелся. Даже больше, но до постели дело так и не доходило. Закрывшись изредка в своей комнате, я разряжался старым испытанным юношеским способом. Фантазией, благо, природа меня не обидела...

Над волной резво пронесся глупыш, крылом почти касаясь воды. Он оторвал меня от пьяных раздумий.

— Какая красотища! — Вырвалось из груди. Блаженно потягивая руки, я привстал на цыпочки и выгнул спину вперед. Невыразимый прилив сил почти оторвал меня от земли, но треск жилета тут же припечатал задницу к большому камню. Эх ма, до наступления темноты была еще целая вечность — часов пять, не меньше. Куда девать это драгоценное время, я даже не предполагал. От порта до дома можно было бы дойти минут за десять. Но возвращаться к маме не хотелось. Тем более, в таком виде. И, вообще, желание продолжить вечер в том же веселом настроении обуревало мной, как никогда. Разгульность окрыляет, она отодвигает все проблемы на второй план. Жаль, что ненадолго.

— Да здравствует свобода! — Неожиданно для себя крикнул я небу. Скорее, по школярной привычке. Так мы иногда вопили, швыряя сумки, после занятий. Я не сразу сообразил, что возглас был достаточно опрометчивым. Два английских матроса, проходивших мимо, остановились и ис-

коса посмотрели на меня. Я учтиво улыбнулся и медленно поплелся в сторону порта. Однако, не прошагав и двадцати ярдов, остановился, вдруг осознав, что идти-то мне все-таки некуда...

Море выглядело необыкновенно волнующим. Как будто сама Галатея пригладила его своими божественными руками для того, чтобы люди смогли вдоволь насладиться этим великолепным видом. Тогда я еще не знал, что стою на вечернем берегу Бале-Аха-Клиах в последний раз...

Я сбросил шляпу, расстегнул жилет. Снял его и, убедившись в том, что он не разошелся по шву, небрежно кинул на песок. Взгляд мой приковался к фрегату, одиноко стоящему на рейде. Красивый трехмачтовый гигант с убранными парусами издали напоминал скелет. Это было, несомненно, английское судно. Корабли из других стран заходили в Дублин не так уж часто. Об их прибытии обычно знал весь город...

Порт давал работу почти половине дублинского населения. Для многих горожан море было единственным источником дохода. Я сам не раз зарабатывал те самые «соленые» шиллинги, заработанные в поте лица на разгрузке и ремонте судов.

Смотря на фрегат, я все больше и больше напрягал зрение, пока не понял, что начинаю засыпать. Голова заныла. Еще одна пинта вина, конечно, не помешала бы. Зная, что в карманах пусто, я на всякий случай, все-таки тщательно проверил их. Ничего нового. Если в набитых карманах можно что-то и выискать, то в пустых всегда только пустота. Эта истина доказательств не требует.

Свежий морской ветерок постепенно возвращал мне то здоровое утреннее состояние, в котором я находился до праздничного сабантуя. Надо сказать, стол был отличным! Такие торжества бывали в нашем доме, может быть, раз пять в году, а то и реже. На мой юбилей матушка постаралась, как никогда.

Допивали мы, разумеется, по-студенчески. За углом. Вместо закуски — братский «заною головы друга»...

Камешек за камешком медленно бросал я в море, считая расходящиеся вслед за всплесками круги. Подобная философская скукота не посещала меня никогда. Добрый час, наверное, провел я в этом состоянии, изредка поглядывая, как с северо-востока медленно приближался к нашей «черной заводи» еще один корабль. Несмотря на то, что все паруса были поставлены, судно словно буксовало на месте. Ветер-то стих. В небе застыли редкие облака.

Было такое ощущение, что все вокруг остановилось, замерло в ожидании то ли бури, то ли больших перемен. А, как известно перемены — всегда чего-то конец, но, стало быть, всегда чему-то начало. И лучше смотреть на всю эту вселенскую мешанину с трезвой головой...

Глава 2

— Ба, отличный сюжет для картины. Узкие плечи студента на фоне широкого моря. Не шевелись. Замечательно. Эх, жалко, красок нет! — Услышал я позади себя громкий бас и обернулся.

Взору моему предстал здоровенный мужчина лет пятидесяти. Одет он был крайне небрежно. Хотя я никогда не обращал внимания на внешний вид людей, в глаза сразу бросились изрядно помятые камзол и шляпа. Штаны выглядели еще кое-как сносно, но тоже не первой свежести. Правый сапог был надорван на голенище. Лицо незваного гостя было примерно в таком же убитом состоянии. Неровная борода, усы, торчащие во все стороны света, слегка приплюснутый нос, провалившиеся

глазницы — все это было собрано в одном месте как-то неаккуратно, и я бы даже сказал, очень некрасиво.

Здоровяк поправил ремень, плюнул на руку и разгладил усы.

— Хорошая бы вымбовка получилась из тебя, пацан! Ты, даже сидя, выше моего дружка Тома, упокой Господь его душу... А ну-ка, рост свой обозначь! — Неожиданно, по-военному уверенно, скомандовал он.

— Шесть футов и два дюйма! — Выпалил я, выпрямившись по струнке. Но, придя в себя, добавил довольно резко. — Повыше всяких забулдыг! Чего надо? Денег нет.

Встав в полный рост, я оказался выше незваного гостя на целую голову. Он медленно осмотрел меня.

— Ой! Заблеял, надо же! А я, было, подумал, что в этом городе со мной уже никто разговаривать не станет. — Прохрипел он, откашлялся и подошел поближе. — Не обижайся, если чем зацепил. Кстати, ты не выше меня. Ты банально длиннее. Выпучил глазенки, ой, смотри... Ну, ладно, если хочешь, смажь меня по морде пару раз и успокойся. Правда, лучше этого не делать. Не уверен, что адекватноотреагирую.

Смотря на здоровяка, я никак не мог представить, что кто-нибудь когда-нибудь мог бы дать этой детине по лицу и после этого остаться в живых. По правде, я сдрейфил, но его откровенное добродушие располагало к беседе. Он даже дышал как-то успокаивающе. Ровно, по-старчески.

Ростом, как я уже сказал, здоровяк был среднего, однако плечи его были шире моих раза в два. Ни дать, ни взять, мифический воин без доспехов. Он протянул мне руку. Я поднял свою в ответ. Мне показалось, что ладонь моя легла на табурет. Я приготовился услышать хруст собственных костей, но рукопожатие, к изумлению, было коротким и безболезненным.

— Джек... Да, Джек. — Выдохнул он, и в эту секунду на меня обрушились запахи всего спиртного, выпитого ирландцами, причем всеми вместе взятыми с начала времен. Мои брови даже приподнялись. — Можешь называть меня просто Джек. В претензии не буду. Ты слышал когда-нибудь, сынок, о Джеке — Спящей Вороне?

— Может быть, слышал. — Ответил я, немного попятившись назад.

— Впрочем, что я у тебя спрашиваю? Слышать — не значит знать, точно так же, как знать — не значит быть уверенным. И, замечу, будучи уверенным в том, кого знаешь, нельзя ему полностью доверять. Проверено. Это к слову, для поддержки беседы. Тебя-то как зовут?

— Джонни... Джонатан Гулливер. — Отчеканил я.

— Джонни, что же, неплохо. Можно даже сказать, это хорошо. — Здоровяк задумался на несколько секунд. — Очень хорошо. И за это стоит выпить.

Он достал из кармана камзола небольшую зеленую бутылку и протянул ее мне, причем сделал это так быстро, словно репетировал всю жизнь.

— Спрашиваешь кто я?.. Второй. Третий... Четвертый... — Джек шептал, с видом мудреца загибая пальцы. — Третий? Нет... Ой, похоже, допился.

Мы присели на камни и помолчали пару минут. Ни ему, ни мне торопиться было некуда.

— Все правильно. Третий! — Радостно сообщил мне Джек.

— Ладно, не тяни. Кто третий?

— А-а, сынок, я всегда утверждал, что любопытство — это не качество, не чувство, не свойство характера. Если когда-нибудь надумаешь написать книгу, обязательно отметь, что вот так, запросто познакомился на дублинском берегу с третьим

внуком второго сына Билли, который приходился внуком Дати — третьего сына самого короля Коннахта! О! — Джек воспрянул духом, и свет невообразимого счастья отразился на его лице.

— Да ну! — Ухмыльнулся я.

— Что за — да ну? Истинно! — С этими словами он забрал у меня бутылку, вытянул руку по линии горизонта, навверное, выясняя количество оставшейся жидкости. Затем смачно поцеловал стекло и отхлебнул пару глотков. Не морщась, Джек протянул мне бутылку повторно и сказал суховатым голосом:

— Давай, Джонни, за наше на редкость удачное знакомство. Всем своим нутром чувствую, не случайно оно.

Из вежливости я, конечно, бутылку взял, но, понюхав, пить не решился. Честно говоря, страсти к спиртному я не испытывал, и вливать в себя это неведомое зелье не собирался. Но выпить все-таки немного хотелось, не скрою.

— Вино какое-то странное. — Сказал я.

— Да ты что?! Посмотри на меня. Разве я похож на человека, пьющего вино? Это же наш классический — настоящий ирландский потин! — С этими словами он послал воздушный поцелуй всему побережью.

— Ни разу не пробовал. — Я хотел, было, вернуть бутылку, но увидел в глазах Джека негодование.

— Нет, так дело не пойдет. Ты или пей, или иди своей дорогой. Будь добр, оставь меня одного на этом месте!

— Вообще-то, я первым сюда пришел. — Мой аргумент прозвучал вяло. Я пошел на попятную. — А чем же это, извини, место особенно?

— Не тебе знать, сынок. Не тебе. Верни потин и иди себе домой. — Он протянул руку, даже не поворачиваясь.

— За встречу! — Резко опередив Джека, я отпил из бутылки несколько глотков. Что дальше произошло со мной —

описать трудно. Ничего худшего я в жизни не испытывал. Огненный шар застрял в горле и заметался то вверх, то вниз. Дыхание остановилось, глаза наполнились слезами. Потом горящий шар провалился внутрь и оттуда начал сотрясать меня душераздирающим кашлем. Но вместе с первыми вдохами приходило облегчение. В желудке вдруг закипело, и, немного погодя, к голове начали подступать теплые приятные волны.

— Ну, ты рванул, приятель! — Джек засмеялся. — Надо же сделать выдох перед тем, как хлебать, а потом подождать немного. И после глотка опять выдох. Сразу видно, в море не бывал, потому и удовольствия в самом процессе выпивки не видишь. Но ничего, молодец! Будем считать, познакомились.

Я едва выровнял дыхание. Джек забрал бутылку и, с невозмутимым видом отпив приличную дозу, начал свой рассказ.

— Спрашиваешь, чем это место необычное? А я теперь тебе скажу. Другому не сказал бы, а тебе, думаю, можно... Никому не передашь ведь, а?

— С какой стати? Не трепло. Обижаешь. — Я был весь во внимании.

— Ладно. Страшное это место. Могила здесь моя... Всякий моряк хочет иметь вечное пристанище на берегу, а мне вот при жизни довелось на своей могиле не раз сживать. Часто прихожу сюда с этой зеленой подругой-бутылкой. Я ей горлышко целую, а она в меня воспоминания вливает... Жена моя здесь Богу душу отдала... Пятнадцать лет назад это было. Погода такая же, как сегодня, стояла. Гуляли мы с любимой по бережку. Ни о чем не говорили, просто безмолвно радовались, боясь словами счастье свое отпугнуть. Не всякому человеку, сынок, в жизни выпадает козырная карта — любовь! И никто до сих пор не знает, от чего моя половинка умерла. Пошла по этим камням, воды коснулась и упала. Я сразу ни-

чего не понял, а когда подскочил, уже поздно было. Пытался ее вернуть, как мог. Молился, кричал. А вокруг ни души... Ребенок под ее мертвым сердцем бился, ручками, ножками шевелил. Бился, бился, а потом успокоился вслед за матерью. В тот день и я умер. Осталось только вот это тело мое, никому более не нужное, да память, в которой боль, одна только боль! Как напьюсь, видится мне, будто жена моя с дитем по воде гуляют, ходят туда-сюда, иногда даже резвятся. Не могу только разглядеть, мальчик или девочка. Пытался я как-то кликнуть их, так сразу исчезли. С тех пор смотрю на них молча...

Джек замолчал, обхватил голову руками и тихонько застонал. Утопив подбородок в ладони, я думал больше о своем. Я пытался понять: где же граница между юностью и нелегкой взрослой жизнью, где прячется счастье, которое приходит неожиданно и исчезает внезапно? Как стать обладателем этой самой козырной карты? Одним словом, я опять захмелел...

Глава 3

Судно, идущее по фарватеру, стало уже вполне различимо в деталях. Я не слишком хорошо разбирался в кораблях, хотя всю жизнь прожил в портовом городе. Может быть потому, что море всегда было для меня чужим. Как-то в детстве я чуть не утонул во время наших мальчишеских дурачеств, и с тех пор во мне поселился страх перед глубиной. Дружки не раз советовали мне самому преодолеть эту боязнь, но никогда не провоцировали на подвиги. Надо отдать должное, они не высмеивали меня даже, когда я отказался прокатиться с ними на новеньком боте в Чаррег-Дуб. Я упирался ногами в борт одномачтовой посудины, вполне надежной на вид.

И со страху обмочился. Было дело... Стыдно, но что ж, все бывает в жизни.

Однако, боязнь глубины это не трусость. Если в одном ты слаб, в другом, значит, силен. Я любил высоту. Не боялся лазить по деревьям. Кошек снимал с самых невиданных вершин! Я всегда завидовал пернатым. Сидя на дереве, мне хотелось разжать пальцы, оттолкнуться от непрочных веток, полететь над двухэтажными домишками, подняться выше церкви Крайстчерч, выше собора Сент-Патрика, выше облаков. И лететь, лететь! Я хотел быть птицей, и поэтому искренне любил птиц. Я хотел летать...

А мальчишки все поголовно мечтали стать моряками, и поэтому бредили морем. Но это нисколько не мешало нашему общению. С морем я научился дружить как-то особенно. Со временем оно перестало для меня быть пугающей соленой пучиной, я научился слышать море и разговаривать с ним. Понимая шум ветра и биение волн, стал доверять вечно беспокойной воде все свои тайны, приходя на берег в дни, наполненные грустью или раздражением. Волны в свою очередь рассказывали мне обо всем на свете: о далеких странах, где люди живут совсем не так, как мы; о затонувших кораблях, в чреве которых навеки остались отцы многих мальчишек; о могучих явлениях природы, которые я представлял себе только по книжным описаниям.

В тот день мне хотелось поведать бесконечной водной глади что-нибудь особенное, возвышенное, достойное моего возраста, моего статуса — выпускника колледжа. Но я молчал. Молчало и море...

Я тупо продолжал смотреть на корабль. Он двигался медленнее рыбацкой лодки, не смотря на то, что был при всех парусах. Это был сильно поношенный, почти энциклопедический флейт, скорее всего купеческий. На грот-мачте обвис английский флаг.

— Видишь, как пыжится бедолага. — Джек заговорил спокойным тоном, как ни в чем не бывало. — Не хочет куковать на рейде. До швартовки ему полчаса, не меньше. Может, работенка какая-нибудь подвернется? Прогуляться не хочешь?

— Да, можно. — Ответил я, нехотя. — Только в таком состоянии, не обижайся, тебя к работе на пушечный выстрел не подпустят.

— Это ты о чем? Да меня там только и ждут! Хочешь, и за тебя похлопочу, а? Запросто! Не будь я — Джек Спящая Ворона! — Произнес он гордо, постукивая себя кулаком по груди.

— Вообще-то, я сегодня в порт не собирался. К тому же, как мне кажется, не стоит после выпивки там светиться. Наши студенты на прошлой неделе заглянули к ним поддатые, хотели подзаработать, так их пинками погнали. Двоим ребятам еще матросы физиономии подкрасили. — Говорил я медленно, в надежде удержать Джека на месте.

— Правильно сделали, что погнали. Для науки! Ваше место не в доках, где ругань матросская, да вонь несусветная. Место ваше в колледже и в университете. Для кого строили, для меня что ли? Для кого мозги преподавателей со всего света собирали? Того и гляди, скоро Ирландия совсем без умных людей останется. Бездари вы, бездари! Заработать им вздумалось, выпить не на что! — Джек разошелся, но так же быстро успокоился. — К черту. Что говорю, кому говорю? Всем жрать хочется. Давай-ка, лучше еще по глоточку.

— Ты обещал рассказать про Спящую Ворону. — Напомнил я ему. — Морское прозвище, наверное?

— Вот, и ты решил, как все! — Джек вытер усы после очередной порции потина. — Думаешь, что я уснул на марсе — в «вороньем гнезде», и по моей вине судно напоролось

на рифы? Так? Да не бывало такого никогда! Дело совсем в другом. Ты ворон любишь?

— Не так, чтобы очень, но... — Мне хотелось довести мысль до конца, но Джек уже не слушал.

— Зря, зря, и еще тысячу раз зря! Ворона — самая замечательная птица. Живет столько, что моего прадеда в лицо помнит. Питается тем, что ей нравится. Не то, что мы! И клюв свой вороний в дела человеческие не всовывает. А с нашими людскими проблемами долго не протянешь! Из-за наших больших, да, к сожалению, кривых мозгов и зверье страдает. Ладно, слушай, раз уж спросил. — Он уселся поудобней. — Жил когда-то в королевстве Коннахта великий повелитель ворон — Кромахи. Жил себе спокойно в маленькой хижине в самой глухой чаще леса. А на верхушках деревьев было гнезд вороних видимо-невидимо. Любили вороны властелина своего и всецело подчинялись ему. Знали, что может Кромахи в гневе посылать людям проклятья. И тогда, вслед за проклятьем одна из ворон вдруг покидала свое гнездо и следовала за проклятым человеком. Да, до его смертного часа... Во как.

У короля Коннахта было три сына — Диклан, Дармид и Дати, беспутные, как все королевские дети. Решили братья сыграть над стариком Кромахи злую шутку и перекрыли в его доме дымоход. Гадость сделали, и бежать. А тот чуть не задохнулся. Но догнал повелитель ворон шутников этаких, взял да и проклял их всех троих одним махом. Первому предрек стать вором, второму убийцей, а младшему — нищим попрошайкой быть. Отцу там тоже, кстати, досталось за чад. Вникаешь?

— Валяй дальше, рассказывай. — Ответил я Джеку, избражая интерес, хотя эту сагу еще в детстве слышал.

— Так вот. — Продолжал он, вынимая из кармана штанов простенькую глиняную трубку. — Дальше было совсем не так, как бабки рассказывают, это уж я точно знаю. Жаль, табачку

нет! Ну, не каждому сморчку табачку. Ха... Как только Кромахи королевских сыновей проклял, влетели во дворец четыре вороны. После этого днем и ночью разносилось по дворцу карканье. Страдали все, уши затыкали, пока не появился во дворце Темный Патрик из Донебольских гор. Узнал он, в чем дело, и решил, как полагается, помочь.

Посоветовал он королю отослать Диклана в лучшую школу законов, чтобы стал тот судьей. Ведь тогда ни один смертный не сможет к нему придаться, объявив его вором. Правда? Второму сыну посоветовал Патрик идти в медицинскую школу. И, когда тот станет врачом, ни одну людскую смерть ему не смогут поставить в вину. Младшему же — Дати, посоветовал Патрик отправиться в лучшую семинарию. Когда тот станет священником, даже Бог не осудит его за даровой хлеб.

— Ну и что! Эту байку каждый ребенок знает. Там еще старинная присказка есть: «Не радуйся легким дарам». — Сказал я Джеку без надежды услышать что-нибудь новенькое.

— Значит, и ты ничего не понял. — С сожалением про бурчал Джек. — Суть в том, что все последовали советам мудреца и сделали именно так, как он говорил. Но, позволь, кто такой добрячок Темный Патрик против проклятий всемогущего Повелителя Ворон? А истинный смысл саги вот в чем! Диклан действительно стал судьей. При этом был вором. Но ни один законник не смог доказать его вину. Вершители закона — каста вне самого закона! Дармид стал врачом, и кто знает, сколько смертей на его счету? Однако ни в одной смерти его не обвинили. Врач, даже если он убийца, для толпы неприкосновенен, так уж повелось. А Дати стал священником. Таким себе трепачом. Он не посадил в жизни ни зернышка, не взрастил дерева, но никто не упрекнул его в попрошайничестве. Хотя именно этим фактически он и занимался, то есть жирел на даровых продуктах, и в ус не дул. Смекаешь?

А как думаешь, четыре вороны улетели назад в лес и саге конец? Куда там, тогда было бы все очень просто! Скажи мне, откуда тогда столько ворон вокруг. Каркают и каркают, витая над селеньями... Вороны навечно привязаны проклятиями к злым, продажным, бесчувственным и преступным людишкам. И детям их потом передаются по наследству. Но, только не грешни на самих птиц. Не надо. У них тоже душа, хоть и маленькая, зато своя. Вороны тут ни при чем, они про эти проклятия даже не догадываются. А, может, и знают, поди разбери, о чем пернатые думают. Ворона — птица умная и преданная. И говорить может по-человечески, но не хочет. Наверное, поэтому живет долго... Во! А ты чего там кричал про свободу?

— Так, вырвалось. — Тихо произнес я, еще не до конца поняв смысл сказанного Джеком. Но что-то в моем помутневшем сознании вдруг выпрямилось, разложилось по полочкам и стало совершенно очевидным.

— Ты знаешь, сынок, что такое настоящая свобода? — Вдохнул Джек. — Настоящая свобода — это когда не каркает над тобой злоеящая птица проклятия, твоего или твоих предков. Тогда и мысли твои чисты и дела твои правильны. Тогда и счастье долговечно и легким будет твое покаяние...

— Джек, ты же сам говорил, что трижды какой-то правнук того самого короля? — Спросил я. — Сам, получается, проклят?

— Вот, вот, подметил, чертенок. То-то и оно. Оглянись вокруг, оно где-то рядом — живое проклятие моего предка Дати. Подарочек от него на всю жизнь. Посмотри на это милое пернатое создание...

Когда я обернулся, меня аж передернуло! Никогда не обращал внимания на ворон, а тут на тебе! Рядом с нами возилось в кучке мусора несколько птиц... Я мог бы побожиться, что секунду назад ни одной вороны здесь не было.

— Так, может, и моя среди них, а, Джек?

— Кто знает, кто знает... — Многозначно протянул мой уже достаточно пьяный собеседник, то и дело подносящий ко рту пустую глиняную трубку. Потом он встал и, чертыхаясь, забросил трубку далеко в море.

— Слушай, а при чем здесь все-таки Ворона именно Спящая? Ты ведь так и не сказал. — Я его почти допрашивал, потому что во мне, в самом деле, разыгралось любопытство.

— Да все тут очень даже прозаично. Эту сагу я люблю рассказывать обычно после, как минимум, двух выпитых бутылок. А пока говорю, еще полпинты успеваю в себя влить. Ну, заснул пару раз за столом, восхваляя ворон, коих, известно, люди не очень чествуют. Вот и прозвали меня дружки Спящей Вороной. Я как-то сразу с этим прозвищем свыкся. Чего здесь особенного? Не самый худший вариант. У моего брата-близнеца, царство ему небесное, было прозвище — Рваное Ухо.

— А с ним-то что случилось? — Меня всерьез заинтересовала жизнь Джека, этого, на первый взгляд, беспутного забуддыги.

— Расскажу, почему бы ни рассказать? — Он тяжело вздохнул, а потом усмехнулся. — Брата моего называли еще шестипалым. Не подумай только, что у него было шесть пальцев на руке. На двух руках всего шесть можно было насчитать, да. А поначалу-то все десять имелись. Только один очень нервный англичанин лет двадцать назад рубанул братца так, что он два месяца не вставал с постели. А было это, дай Бог памяти, в шестьсот восемьдесят девятом, точно. Мы тогда по бережку Доддера поднимались, человек пятнадцать нас было. Резня в те времена была жуткая. Гоняли англичане нас, как волков по всем горам Уинклоу. Не загнали, как видишь. Ха! Так вот, мы поднимаемся, а они спускаются. Лоб в лоб. Их меньше было. Не пойму, с чего это вдруг они такими

решительными стали. Наверное, с перепугу... Заварушка быстро закончилась. Такое и боем назвать нельзя — резня варварская. Наших девять лежать осталось, а противников мы всех порезали. Слышу, братец мой орет, все и всехна свете проклиняет. Этого нервного, мертвого уже англичанина ногами пинает, у того рот порван, язык вывалился и болтается. Фу... А сам братец весь в крови. Встал на колени, пальчики свои отрубленные с земли поднимает и плачет, как ребенок... Ой, не поверишь, никого он никогда не хотел убивать. Он вечерами выл, стонал. Каялся. А на следующий день гордо выступал борцом за независимость Ирландии. То есть, ставал и шел, куда прикажут. В любую заваруху рвался, как бестия. Так вот бывает...

А ухо он еще в детстве порвал, когда по крышам шастал. Любителем за девками подглядывать слыл... Упал, короче, прямо на них. Там не до смеха было... Нет, все-таки жалко мне тех молодых англичан, четверо совсем еще мальчишками были. С другой стороны, кто их звал?

У них самих там бардак в стране жуткий, а они прибыли, красиво причалили. Для чего? Чтоб порядок наводить в нашем доме! А у нас порядок был, есть и будет. Только свой, понимаешь, свой родной! Нам чужого не надо! Но я тебе скажу, что во время этой самой английской Славной революции, у нас было славное времечко, Джонни. Тяжелое, кровавое, но славное.

Не были ирландцы так близки по духу, не стояли так крепко друг за друга со времен экспедиции Кромвеля. Жить хотелось, радость душу переполняла! Каждый день я видел рядом с собой отважных единомышленников. И походил я с ними по всей Эйре! Вот этими самыми ножищами походил. Только сапоги поновее носил. Много было крови пролито с обеих сторон, очень много. Никому не нужной крови. Никак не научатся люди друг

друга понимать, потому и воюют без продыха десять тысяч лет подряд, а может больше. И еще десять тысяч лет воевать будут... Всегда будут воевать, всегда... И кружат над нашим всемирным побоищем огромные стаи ворон. Приземлятся, аппетитно выклюют глаза у гниющего солдата или какого-нибудь борца за свободу, и полетят себе дальше по своим делам вороньим, даже не спросив: — А за что ты воевал, солдат? А для чего ты пупок надрывал, борец? Нужно это было лично тебе или опять-таки тебя, как всегда, обманули? — На ворон только грешить не надо, они здесь ни при чем. Ворона — птица умная... Да, да. Ладно, встали, пошли...

Глава 4

По дороге в порт Джек, размахивая руками, с раскатистым гоготом рассказывал мне, как однажды в молодости они с братом-близнецом окрутили дублинскую красавицу Розмари, и поочередно преподавали ей уроки любви. Каждую ночь, да так страстно, что она, ничего не подозревая, через месяц свалилась, уставшая и изнеможенная. Отец Розмари, когда все открылось, хотел прикончить обоих братьев сразу. Потом напился, погонял их и успокоился. Дочери, конечно, про близнецов ничего не сказал. Позора потом не оберешься. А бедная красавица долго еще страдала по поводу исчезновения своего «могучего» любовника. «Ой, повезло же ей!» — Наверняка, вздохнули бы миллионы женщин...

Бутылка Джека была уже пуста, но он, почему-то, ее не выбрасывал. Настроение его стало меняться к худшему. Джек, то и дело, плевался по поводу пустой и отвратительной жизни, в какой завяз по уши, безо всякой надежды скоро умереть.

Рассказал он и о том, как глупо погиб его брат, разбившись в расщелине на берегу залива Голуэй. Упал случайно, оступившись. Шестипалый так и осталось навечно лежать на выступе скалы, поскольку к трупам никто не отважился добраться. Слишком было опасно рисковать живыми людьми ради мертвого тела. Таковы уж законы войны...

Время медленно продолжало свой ход. Шли мы, не спеша, то и дело поглядывая на приближавшийся к пристани корабль. Стали различимы силуэты матросов, подбиравших паруса. Мне уже совсем не хотелось идти вообще куда-либо, но обещание продолжить вечер вместе, данное Джеку по простоте моей душевной, заставляло, словно налитые свинцом, ноги двигаться.

— Вот уже и дома. — Сказал Джек с улыбкой, когда мы, миновав узкий проулочек, вышли к старому заброшенному складу.

— Ты что, здесь живешь?

— Сынок, ты меня, наверное, не слушал все это время. — Спокойно ответил он. — Я тебе уже говорил, что не живу, что умер пятнадцать лет назад. А здесь я сплю... Правда, не всегда.

Когда мне надоедает пить, я захаживаю в гости к нашим неповторимым дублинским вдовушкам. Конечно, если хоть что-нибудь звенит в кармане. А если дела совсем плохи, то пышногрудая Магпи принимает меня любого. Недалеко здесь живет. Страшненькая она на лицо, но, заметь, я это впервые произнес. Не приведи Господь тебе женщину страшненькой обозвать! Все, считай, на проклятие нарвался! Она, правда, и не скрывает, что я последний ее шанс. Не в смысле — под венец вести. А так, вообще, последний из мужиков, кто на нее залезть решится. Ну, она, в самом деле, страшна! Тфу! Только я на красоту плевать хотел, по мне, баба ласковой и обходитель-

ной быть должна! И с твоей стороны: пара приятных ей фраз, можно цветочки, поцеловал, сбросил одежду, разрядились и... И все! Все — это, ровным счетом, ничего! Ничего, понимаешь? Ноль... Пустота... Она тоже это понимает, но молчит. А по утрам, поди, плачет...

За стеной склада открывалась панорама порта. Мы с матушкой и сестрой частенько приходили на пристань. Шли по улицам, под ручки держа мать, Бетти справа, я слева. Раскланивались прихожанам, говорили о разных пустяках, в основном обсуждали, кто во что одет. Я почти все время молчал, и именно с тех пор перестал обращать внимание на одежду. В отсутствие папы прогулка в порт была почти обязательной еженедельной процедурой. Матушка, прихорашиваясь, каждый раз повторяла, что сегодня отец обязательно прибудет, и он должен увидеть нас непременно красивыми и опрятными. Бетти была в восторге от возможности порисоваться на людях.

Но никогда, ни разу мы отца так и не встретили. По часу, иногда дольше, стояли у пристани и молча смотрели на море. Мне очень быстро надоедало разглядывать каботажные суденышки и, снующих повсюду, матросов. Бетти начинала нервничать уже с первой минуты, после того, как мы доходили до пирса. Ей хотелось скорее двинуться в обратный путь, потому, как шли мы домой теперь по другой стороне улицы, а это уже было для сестры разнообразием...

Помню, тоскливые глаза матери впивались в каждое судно, стоящее на рейде или выходящее из порта. Она осматривала лица всех моряков, спешивших перебраться на берег из баркасов, шлюпок и даже рыбацких лодок. А если на горизонте появлялись паруса корабля, идущего в нашем направлении, то все надежды Бетти на скорое возвращение домой были обречены. Мать, конечно, великодушно говорила: «Вы идите,

идите, я еще немного подожду». Но мы не могли бросить ее одну, мы оставались и ждали вместе. До тех пор, пока не исчезала последняя надежда. А потом шли домой, грустные. Всегда втроем под ручки. Бетти теперь уже слева, а я справа... «Капитан Гулливер» так больше никогда и не вернулся в гавань безмерно любящей ее женщины — Мери Бертон, моей матери, отдавшей всю себя неблагоприятной судьбе любимого моряка-неудачника...

Глава 5

В то время, когда меня посещали лирические воспоминания, Джек сладострастно отливал. Подняв лицо к небу, он, то и дело, величественно произносил: «Да-а-а...»

— Мы идем или нет? — На всякий случай напомнил я ему о своем присутствии.

— Ты меня не торопи, а то потом сам опоздаешь. Надо же, мешает самые естественные процессы осуществлять. — Проворчал он. — Ну и народ пошел! Вот я помню...

— Ладно, ладно, молчу. — Притормозил я ход его мысли, видя, что естественное природное действие близится к завершению.

В это время корабль уже пришвартовался, и на пристани собралось человек тридцать, может больше. Все они оживленно говорили. Каждый хотел протиснуться хоть немного вперед, и, в результате, образовалось столпотворение у самой кромки воды. Какого народа там только не было! По сравнению с некоторыми, Джек выглядел просто принцем. Хотя, присутствовали и вполне приличные типы, даже один священник. Он бодро расталкивал зевак локтями.

— Чтоб я сдох! — Заорал низкорослый бродяга, подско-
чив к Джеку. — Три дня тебя не видел. Возвращаю должок,
как и обещал. Вот. Спасибо.

Он всунул в ладонь Джека несколько монет. Тот, не пере-
считывая, положил их в карман и невозмутимо спросил:

— Что за праздник в нашем балагане? Дельное что,
или как всегда толкучка с перепоя?

— А, черт его знает. — Пожал плечами малый. — Флаг
английский, зовется «Вихрь». Может, просмолиться зашел,
а может, что случилось. На вид этот «Вихрь» давно уже от-
вихрился!

— Ладно, разберемся. Вали отсюда, от тебя так воняет,
как будто ты сутки в бочке с тухлой селедкой спал!

Бродяга засмеялся беззубым ртом и поплелся восвояси.

Между судном и берегом уже наладился оживленный
контакт. Из нецензурной перебранки я успел только разобрать,
что боцману нужно подвернуть на другой галс, подобрать
кливер, а матросам срочно засунуть себе в задницы все суще-
ствующие на свете веревки, а потом еще обрасопить оснастку
так, чтобы быстренько развернуться и уматывать обратно
в открытое море. Это было начало моего реального морского
образования. Пьяный красномордый толстяк на берегу орал
громче всех, но речь его была бессвязной, и у меня возникло
ощущение, что он даже не понимал, где находится. Никогда
не видел ничего подобного...

На баке корабля суетились несколько матросов. Все они
наперебой давали советы перепуганному парню: как нужно пра-
вильно отбрасывать швартовы. Он никак не решался швырнуть
канат, но потом сделал это так вдохновенно, что двое из встре-
чающихся на берегу от удара упали, увлекая за собой толпу. Брань
першла в хохот. Нос корабля подтянули трое моряков, однако,
на этом швартовка не закончилась. Рыжий пожилой матрос

пытался бросить другой канат на берег с носа корабля. Футов с тридцати. Канат падал воду, и только с третьего раза все же фортуна улыбнулась бедолаге.

Нос судна подтянули. На пристани внезапно воцарилась тишина. По трапу стала спускаться молодая леди с саквояжем. И тут все ахнули, причем одновременно, словно по договоренности. Леди шла статно, не обращая никакого внимания на ошалевших мужиков. Позади двое матросов, согнувшись в три погибели, тащили огромный сундук. Мне было интересно посмотреть на остальных пассажиров, но таковых больше не оказалось. «Заткнитесь, скоты!» — крикнул боцман толпе.

— Стой здесь. И, не дай Бог, уйдешь куда-нибудь! Считай, погиб от руки товарища, то бишь от моей. — Приказал мне Джек абсолютно трезвым тоном и поспешил в ближайший паб.

Я смотрел, как спускаются по трапу матросы, одни веселые, другие какие-то озабоченные. Одних обнимали знакомые, но большинство старалось быстро протиснуться сквозь столпотворение. Чернобородый громила, усевшись на планширь, кричал кому-то, наверное, другу, чтобы тот не забыл срочно принести ему свинины с елеем, потому что он — громила убьет всех, причем очень жестоко, если вдруг не будет через полчаса пьян.

Шумное движение поглотило меня, заставило быть причастным ко всему происходящему. Было такое ощущение, что прибытия этого корабля я ждал всю свою жизнь...

Глава 6

Капитан судна отдал распоряжения матросам, оставшимся на борту и, сойдя на берег с двумя сопровождающими, спешным шагом направился прямо в город. Толпа потихоньку начала

расходиться, остались человек десять. Трудно было понять, о чем они говорили с боцманом, но, похоже, все уже были навеселе. Кроме боцмана, конечно. Тот надрался позже, будь уверен, как свинья...

— Джонни, эй, Джо! — Услышал я незнакомый голос и обернулся. У двери таверны стоял здоровяк, бесцеремонно облизывающий свои верхние зубы языком. — Ты, что ли, Джонни? Тогда какого черта здесь стоишь, дуё сюда на всех парусах! Джек зовет...

После этих слов он неприлично громко харкнул и растворился в полумраке заведения.

Посиделок в таверне, да еще с такими, мягко говоря, не вызывающими доверия, людьми в моих планах не было. «Впрочем, много чего я сегодня делать не собирался» — Подумал я, и уверенно зашагал вперед, решив отдаться воле обстоятельств.

Вид таверны меня не удивил. Это было ничем не выделяющееся строение с пятью узенькими окошками на втором этаже и тремя, но побольше на первом по правую сторону от большой скрипучей двери. Первое, что бросилось мне в глаза внутри, это большая картина на стене. На картине была изображена каравелла или каракка, в общем, судно, примерно такое же, на котором Колумб двести лет назад открывал восточный путь в Индию. Краски на полотне потрескались и потускнели от дыма. Меня удивило, что, несмотря на продолжавшуюся уже девять лет войну с Испанией, картина продолжала висеть на самом видном месте, хотя изображенный корабль был явно испанским. На нарисованной гафели развивался флаг именно этой страны. Никто казуса не замечал или, скорее всего, всем было на все наплевать. Обстановка заведения уж точно не располагала ни к обсуждению произведений искусства, ни к политическим дискуссиям.

В зале стояли три огромных стола с лавками. Один вдоль стены с картиной, а два других, подлиннее, занимали почти

всю центральную часть помещения. Между столами был проход к лестнице, ведущей на второй этаж. Там располагались комнаты постояльцев. Под лестничным пролетом чернела дверь на кухню.

В глубине таверны еще стояли особняком два столика с четырьмя массивными стульями у каждого. Весь зал был до отказа набит народом самого разного покроя. Все галдели, чокались большими кружками и звучно, с чавканьем уплетали содержимое глубоких глиняных тарелок. За одним из удаленных столов сидел в одиночестве тот самый здоровяк, который меня позвал. Он кивком головы показал, куда мне нужно следовать. Я прошел, поздоровавшись, мимо большой хмельной кампании моряков, которые, в свою очередь, не обратили на мое приветствие никакого внимания. Здоровяк указал рукой на стул. Я присел, не говоря ни слова, чувствуя себя крайне неуютно.

На столе стояло пять или шесть бутылок вина и всего одна кружка. Молча мы сидели минуты две, мне все это уже стало надоедать. Но встать и уйти я считал для себя невозможным, надо было дожидаться Джека.

— Даф их мих ихнен аншляйсен? Можно к вам присоединиться? — Голос звучал так пискляво, что, оборачиваясь, я надеялся увидеть какого-нибудь заплывшего жиром монаха, но встретился взглядом с аккуратно одетым широкоплечим мужиком лет сорока пяти, которого чуть раньше уже заметил на пристани. Можно было бы ему ответить по-латыни, но я решил блеснуть своими познаниями немецкого языка, которые в массе своей составляли десяток несложных предложений. Зато произносить я их мог без запинки.

— Простите, не очень хорошо понимаю по-немецки, но рад Вас видеть. — Я попытался придать своей речи немного важности, даже не предполагая, что буду говорить дальше.

— О-о! Гут! — Пропищал немец. — Но вас выдает акцент...

— Это место мое и даже не пытайся пристроить здесь свою задницу! — Услышал я наконец-то голос Джека. Он, можно сказать, ввалился за стол, так неаккуратно, что бутылки едва не упали. Затем, пожирая взглядом немца, понес в его адрес какую-то грубость на чистейшем немецком языке. Немец то и дело извинялся, при этом явно не собиравшись уходить.

Своим новым внешним видом Джек сразил меня наповал. Во-первых, он был выбрит, а во-вторых, узнать его в новом камзоле и новых сапогах, да еще без усов и бороды было просто невозможно. Передо мной стоял совершенно другой человек. Настроение мое резко поднялось.

Казалось, немец уже готов был уйти, но вдруг Джек хлопнул собеседника по плечу, сказал еще пару фраз и спросил у меня, как будто извиняясь:

— Не возражаешь, если старый мой знакомый к нам присядет?

Мне и сказать-то было нечего. Тем более, меня бы никто слушать не стал. Двое друзей громко засмеялись. У неразговорчивого здоровяка даже бровь не пошевелилась от происходившей сцены. Он тупо смотрел на упавшую бутылку. На стол пролилось совсем немного вина.

— Ханс. Мое имя Ханс. — Скромно представился немец фальцетом и продолжил после небольшой паузы. — Я умею нехорошо говорить по-английски... Когда мне надо было направиться к вашему столу, я думал, что этот молодой человек с моей родины, а мне хотелось бы приветствовать земляка и пить с ним вино.

— Хватит словоблудить! Садись уже, дипломат! — Джек буквально вдавил Ханса в стул и обратился ко мне. — Вообще то его все зовут Лоуд, что в переводе означает громкий,

громогласный. И ему это нравится, верно, Ханс? А писклявый он с детства.

Немец кивнул головой. Он приветливо расточал улыбки налево и направо, но во взгляде его явно присутствовала некая грустинка.

Хозяин таверны, низенький приветливый толстячок, уже семеня своими пухлыми ножками к нашему столу.

— Кушать будем что? — Задал он вопрос, смотря в потолок, с ударением на последнее слово.

— Кушать будем все, что есть. — Спокойно ответил Джек.

— А чем будем согревать страдания земные?

— Принеси, будь добр, хорошего вина. Если есть, позапрошлого года. А вот эти со стола убери ко всем чертям. — Джек показал рукой на бутылки. — Сразу тащи пинты по три на брата, а дальше как карты лягут.

От такого заказа у меня чуть челюсть не упала. Хозяин, кивая головой, стал убирать бутылки, но здоровяк успел схватить одну недопитую и придвинуть ее к себе.

— Роджер, когда ты уже напьешься этого дерьма? — Обратился Джек к здоровяку. В ответ тот долил остатки вина в кружку и стал быстро пить, как будто боялся неожиданно лишиться своей радости.

— Вот такая у нас веселенькая, почти пиратская компания собралась. — Джек достал из кармана нож и воткнул его в стол. — Спящая Ворона — почти мертвая, Ханс Лоуд — чревоугодник, Печальный Роджер — беспробудная пьянь, да студент — дилетант... Как тебя там зовут, сынок? Освежи-ка память.

— Джонни. — Ответил я.

— Знаю, что Джонни. Дальше как ты там представлялся?

— Джонатан Гулливер. — Повторил я ему, не понимая, как он мог так быстро протрезветь. Его взгляд был ясен, не то, что на берегу.

— О, я знал одного господина Гулливера. Мы имели с ним знакомство! — Затарахтел Ханс. — Ходили даже вместе из Лондона в Дублин на шхуне Эйбрегена Пеннела, кажется, с именем «Ласточка». Но это было давно, лет пятнадцать назад... Его имя было Лемюэль, разорви меня на части акула! Помню, был он судовой врач. Молодой такой, прыткий. Надо же, не все мозги еще пропил! Из всей команды, надо сказать, Гулливер был самый длинный. Худой, зато толковый.

— Это мой отец. — С гордостью произнес я.

— Черт! Какой-то вечер воспоминаний. — Роджер осушил еще одну кружку вина и пробурчал, обращаясь к Джеку. — А на какие это средства ты сегодня гуляешь, а?

— Успокойся! На свои честные. Долги собрал. Не вечно же таким, как ты, оболтусам моими деньгами пользоваться. Отдают помаленьку. Завтра сматываюсь отсюда ко всем чертям! А тебе-то какая разница, угощают — радуйся.

— Я, Джек, радуюсь за тебя, но одновременно удивляюсь. — Парировал здоровяк. — Почему вот мне никто не должен, а тебе, ну, все должны, проныра ты этакий?

— А потому, что ты никому сроду в долг не давал. Ты уже утонул в своем угрюмом одиночестве. Посмотри вокруг. Все веселятся, ругаются, дерутся. Жизнь кипит, а ты замкнулся в себе, как старый волчара. — Джек повернулся к нам. — Не обращайтесь на него внимания. Сейчас напьется и повеселеет. Потом еще и джигу станцует. И подерется.

— Не буду я сегодня драться. И, вообще, никогда не буду. Бить и убивать никого не хочу больше, но и меня пусть никто не трогает. — Действительно, как-то печально произнес Роджер.

— Успокойся, дружище. — Сказал ему Джек. — Смотри на все проще.

— Не могу. На мир смотрят просто лишь те, для кого он кажется слишком сложным. Лишь недоумки и проститутки. — Роджер вытер рот ладонью. — Они заставляют себя смотреть на мир проще лишь потому, что не могут или не хотят понять глубины и прелести всех самых естественных процессов. Они все лишь вылизывают кромку, не в силах посвятить себя, искренне и целиком, тонкостям великой игры Природы и Разума...

— Все, понесло... — Джек отвернулся от друга, показав всем видом, что не желает поддерживать спор.

— Джек, откуда ты так хорошо знаешь немецкий? — Попытался я изменить тему разговора.

— Я, сынок, много чего знаю, да только кому это все нужно сегодня. Вот ты колледж закончил и, думаешь, на что-нибудь годен?

— Именно так и думаю. — Не уступил я ему. — Колледж — это приличные знания, хорошая практика.

— Ах, ну да, конечно! — Джек завелся. — И все-таки, по части образования я повыше тебя буду. Опять же, я прожил жизнь, а ты пока еще даже жить не начинал.

— Сейчас и начнет! Он тебя, старик, перецеголяет, наверняка. — Громко вставил свое веское слово Печальный Роджер, уставившись на дверь кухни, откуда уже спешили к нам хозяин с горничной. Заказ Джека в их руках умещался с трудом.

Пока хозяин таверны торопливо выставлял на стол вино, девушка стояла сзади меня. Неожиданно она нагнулась и произнесла горячими губами прямо в ухо: «Меня зовут Дейзи. Если что понадобится — зови, не стесняйся...»

Я почувствовал, что стал красным как вареный рак. А Дейзи, не спеша, раскладывала столовые приборы, слегка касаясь

меня кончиком рукава. Она была совсем не дурна собой. Можно сказать, красива. Рыженькая, пышногрудая островитянка. Кровь со всего тела стремительно хлынула в мой пах. Мне показалось, что я взорвусь!

Еще дважды хозяин с помощницей сходили на кухню, мелькая туда-сюда, и вскоре наш стол был заставлен до самых краев.

— Вот и замечательно! — Джек хлопнул меня по плечу. — Ты ей понравился, значит, мы сегодня голодными не останемся. Но смотри, она только на вид взбалмошная, а вообще — не подходи! — Он незаметно показал пальцем на соседние столы. — Вот этих всех..., промолчу, на дух не переносит. А на тебя она еще с лестницы глазела, студент. Везучий ты, чертенок. Ух, мне бы твои годы!

Джек взял бутылку и стал наполнять кружки.

— Давно пора. Сидите тут, тарактите, как бабы! — Пробурчал Роджер, понюхал хорошо прожаренный ростбиф в своей тарелке, а потом зачем-то внимательно изучил взглядом содержимое наших. Все это он проделывал с невозмутимым видом, не вызывая, однако, никакого раздражения.

— Необычный день. — Подумал я. — Действительно, необычный. Все мои новые знакомые появляются сегодня из-за спины... И Джек, и Ханс, и Роджер. И даже эта маленькая красотка Дейзи. Как будто все они подсознательно хотят подтолкнуть меня куда-то вперед...

Глава 7

Наверное, с полчаса наше пиршество проходило вяло. Звучали короткие, но не очень веселые тосты. Все предались наполнению желудков. Поначалу я совсем не хотел есть, однако, смотря

как мои новоиспеченные товарищи опустошают одну тарелку за другой, не смог сначала удержаться, а потом уже — остановиться. Половина бутылок была выпита сразу, но я старался не переусердствовать. Хозяин принес еще пару новых блюд, что-то нашептал Джеку, и тот насыпал ему в руку горсть монет. Пересчитав их, он стал раскланиваться, как только мог.

Тем временем Джек достал из кармана пустую зеленую бутылочку.

— Понял, понял. Будет сделано, причем бесплатно, от нашего балагана вашему, так сказать, ха-ха. — Прогнулся хозяин и, взяв бутылку, ретировался на кухню.

После похвал в адрес повара мои собеседники с размашистым гоготом стали обсуждать причуды восточноевропейских шлях. Потом пришли к мнению, что все женщины во всех странах одинаковы. И стоит выпить за предоставленную судьбой возможность иметь хотя бы то, что имеется. На том и порешили.

— Давай по делу. — Обратился Печальный Роджер к смеющемуся Джеку. — Что узнал?

— А, ничего. — Джек сразу стал серьезным, осмотрелся. — Ничего толком и не узнаешь! Не у кого. наших в команде нет. Половина экипажа, получив расчет, осталась на берегу. Вторая половина — сброд свинячий. Часть их сидит сейчас в соседнем пабе. Один придурок метался здесь, я с ним успел парой слов обмолвиться. Корабль принадлежал некоему Кветчу, или Клетчу. Потом был зафрахтован в Лондоне, через месяц перепродан в Бристол, а к нам прибыл из Ливерпуля. Прямо чертовщина какая то! Дедвейт у этой посуды приличный, идет полупустая. Причем, когда команду в Ливерпуле набирали, ничего не грузили, кроме бабского сундука. Но трюм постоянно охраняют шестеро солдат, по два на вахте. Капитан «зеленый». Однако, гонял всех по полной программе.

— Вот поэтому, наверное, половина команды и сбежала. — Неудачно пошутил я.

— Нет, ты не прав. — Продолжал Джек. — Не поэтому. Я точно не знаю почему, но не поэтому, знаю точно. Каждый матрос тебе скажет, что порядок на шхуне — первое дело. У меня нет ответа на вопрос, какого черта они приперлись в Дублин...

— А что тут особенного есть? Может, решили ремонт делать. — У Ханса заплетался язык.

Я вслушивался внимательно в каждое слово, произнесенное Джеком, но, практически, ничего не понимал.

— Не тяни, Джек! Сопли размазываешь, как на похоронах! — Вдруг занервничал Роджер.

— Самое время разбросать мыслишки, как картишки. — Джек сосредоточился. — Во всей этой картине есть один совсем непонятный штрих: корабль идет в Гибралтар.

— Там же Испания! — Вырвалось у меня.

— Испания — это Испания. А в Гибралтаре англичане уже пять или шесть лет, как закрепились. И довольно хорошо сидят. У испанцев давно силы не те, чтоб Гибралтар контролировать. Их бояться — себя не уважать. Из Ливерпуля до Гибралтара путь — что за угол зайти. Может быть поэтому, из-за самоуверенности капитана на борту всего четыре фальконета? А это значит, что... Нет, не знаю я, что бы это могло означать. Пока не пойму, чем интересен им наш дублинский порт. — Джек замолчал.

— Я видел, — Произнес весело Ханс, — как по трапу спускалась симпатичная дама! Это ее привез молодой капитан к нам в гости. Давайте выпьем за новые знакомства.

— Ладно, Ханс, в этом деле мы тебя, конечно, поддержим. — Сказал Роджер. — Но я вот как думаю: ремонт кораблю точно не нужен. Я же не слепой. Сам смекни, дырявую лодку кто бы стал покупать?

— Я, я! За дырявых! Ой, простите, за прекрасных женщин! — В уставших глазах Ханса появился вожделенный огонек.

Роджер, покусывая губу, выдал из себя обреченно:

— У тебя, Джек, вечно сто вопросов. Пытаешься найти лучшее, а я скажу тебе, что в дерьме кроме дерьма ничего не раскопаешь. Торчать здесь я больше не собираюсь! Думаю, человек двадцать в команде у них недостает, а значит, в ближайшее время судно с места не сдвинется. Пошел бы ты проветрился, а заодно все получше разведал. У тебя голова все-таки варит! А, если дело выкатывает интересное, тронемся, наконец-то, дьявол нас всех задери! Джонни, это не в твой адрес!

— А, я вот, что скажу. — Джек поднял кружку. — Сходить, конечно, сейчас схожу и не просто схожу, а сбегая, да только я уже решил помахать родной земле ручкой. Значит, помашу! Мне тоже здесь торчать не в удовольствие, будь оно все неладно. Пойдем, Джонни, постоишь на воздухе, а то мне кажется, ты многовато на грудь уже принял с непривычки.

Я чувствовал себя прекрасно, достаточно трезво мыслил, но пройтись с Джеком не отказался. По пути к выходу я встретился взглядом с Дейзи и опять жар подвалил к щекам. Она была замечательна. Голубые глаза, пышные кудрявые волосы, сочные губки... Ее очарование на какое-то время поглотило все мои мысли.

Мы вышли и остановились у двери. Уже начинало смеркаться. Дышать было легко. Немного усилившийся ветерок приятно обдувал лицо. Я находился в каком-то взвешенном состоянии и от вина, но больше от взгляда Дейзи.

— Стой здесь. — Сказал Джек с ухмылкой. — Пойду вон в ту харчевню, а ты поработай часовым. В драку не ввязываться ни под каким предлогом!

Он сделал несколько шагов, обернулся и весело добавил:

— Она сейчас к тебе сама выйдет...

От этих слов у меня обмякли ноги.

«Когда он только успевает все делать?» — Пронеслось в моей голове. — «Вот это друг! Или Дьявол?»

Глава 8

Я осмотрел себя всего, поправил все, что можно было поправить, и пригладил все, что можно было пригладить. Собираясь с мыслями, никак не мог придумать достойную фразу, с которой можно было бы начать разговор. Все приходящие на ум слова были либо слишком неискренны, либо пошловаты. Ощущение реальности происходящего постепенно покидало меня, и я улетел в мир внезапно разгулявшихся фантазий.

Дверь закрипела. К горлу подкатил комок...

Двое пьяных матросов вышли вразвалку, напевая под нос: «В играх, забавах были мы рядом, пока у брода не встретил ты смерть, любимый друг мой, отважный Фердиад...»

Постепенно мной овладело спокойствие. Прилив первого необузданного желания прикоснуться к Дейзи потихоньку отходил на второй план. Я даже подумал, что не стоит возвращаться сегодня домой слишком поздно, чтобы лишний раз не заставлять родных волноваться.

Впрочем, мать уже успела привыкнуть к тому, что ее сын достаточно взрослый, и может прибиться к отчому двору далеко за полночь. Она сама, кстати, подначивала меня завести знакомство с одной хорошенькой соседской девушкой, каждый раз произнося не самые лестные выражения в адрес моих

вечно полупьяных дружков. «Не обижайся, мама. — Вдруг подумалось мне с грустью. — В жизни каждого мальчика наступает момент, когда он перестает принадлежать семье и выбирает себе собственную дорогу, руководствуясь только своими чувствами и желаниями. Причем, делает это достаточно легко, как будто уходит на пару часов порыбачить. И, вполне вероятно, навсегда».

Дверь опять протяжно заскрипела, и Дейзи, словно бабочка, выпорхнула наружу.

— Привет, красавчик. — Тихонько сказала она.

— Джонни. Это имя мое. — Произнес я, собрав в кулак остатки своего красноречия, и поперхнулся.

— Да, ты не волнуйся, — Девушка говорила мягко и успокаивающе. — Мне, просто, с тобой поговорить захотелось. Поболтаем немножко, если ты не против, и я побегу, а то дел невпроворот.

— Откуда ты узнала, что я тебя здесь жду? — Это были первые слова, пришедшие мне на ум.

— Глупенький, я же сама попросила хозяина передать тебе через Джека несколько слов. Но даже не надеялась на взаимность! Они ведь любят перевернуть фразы по-своему. Ты только не подумай ничего такого. Скрывать не буду, ты мне сразу очень понравился. А времени у меня нет, чтобы дожидаться, пока ты обратишь на меня внимание. Вот я и осмелилась сделать первый шаг сама. Понимаешь?

— Все ясененько. Ничего я и не подумал плохого. — В моем голосе, наконец-то, появилась уверенность. — А откуда ты Джека знаешь?

— Его все знают и, надо отметить, уважают. Хотя он перебирает иногда, конечно, лишнего, может кому-нибудь рожу украсить. Столы ломал. Но в остальном ты не найдешь в округе человека порядочнее и отзывчивее. Давно с ним знаком?

— Давно уж. И в море с ним ходил. — Соврал я молниеносно.

— Матросы о нем отзываются лестно. Говорят, Спящая Ворона — орел, каких мало. Вот у нас, оказывается, общие знакомые имеются. — Сказала она с улыбкой.

Мне вдруг захотелось оправдаться, что в море я ни разу не был, но внутренний голос подсказывал: «ври и дальше». Естественно, хотелось приукрасить себя, чтоб выглядеть настоящим мужчиной. Дейзи к этому располагала всем своим видом. Вне пьяного заведения она выглядела в сто раз привлекательнее, все время улыбалась, зажигательно смотрела прямо в глаза. С дерзостью влюбленного мальчишки я взял ее за плечи и притянул к себе. Она закрыла глаза и немного приподняла голову. Еще через секунду наши губы соприкоснулись, и я потерял над собой контроль.

— Мы не слишком торопимся? — Кокетливо отпрянула Дейзи. — Все, сладкий ты мой, побегу, а то ругаться будут. Сам видел, сколько посетителей сегодня.

Она исчезла за дверью так же внезапно, как и появилась. Я стоял, пошатываясь, сраженный наповал одной только мыслью, что мне удалось все-таки прикоснуться к телу этой прекрасной девушки.

Глава 9

Возвращаться в душную таверну не хотелось, но желание еще раз увидеть Дейзи было выше моих сил. Уверенным шагом я прошел по залу и сел на стул Джека, потому что с моего места не была видна дверь на кухню. В противном случае, для того, чтобы наблюдать за девушкой, мне пришлось бы переместить глаза на затылок.

Я посматривал искоса на Печального Роджера, и почему-то был уверен, что он скажет сейчас какую-нибудь мерзость. Но тот преспокойно доедал кусок жареной рыбы. Прошло пару минут.

— Ты не ошибся стулом, студент? — Наконец-то произнес он, покашливая в кулак.

— Да, понял, понял давно. Немножко посижу, пока Джек не придет. Стул погрею. — Ответил я, морщась, потому что в это время Роджер издавал задницей весьма неприятный звук.

— Ну-ну. Много было таких умников. — Прощедил сквозь зубы Роджер и придвинул к себе тарелку с цыпленком.

Пробежав глазами по залу, я увидел, что немец уже сидит в компании матросов за дальним столом, и, обнимаясь с кем-то, задушевно поет.

В дверях появился Джек, но, вопреки моим ожиданиям, направился напрямик к лестнице, ведущей на второй этаж. В это время из кухни вышла Дейзи с подносом, посмотрела на меня и подморгнула. Я был на вершине блаженства. Пока она обслуживала соседний столик, я успел осмотреть ее всю, с головы до пяток. Моя фантазия, насквозь пронизывающая ее платье, рисовала каждую черточку великолепной фигуры. Грешно признаться, я даже облизнулся.

Джек вернулся быстро, прихватив с собой недовольного Ханса. Они присели, объясняясь на немецком.

— Значит так! — Обратился Джек ко всем, но смотрел на меня. — Говорю один раз, даже для тех, кто пытается занять мое место. Корабль следует в Гибралтар, однозначно. В бухту Альхе-Сирас. Не загружаются, отходят завтра вечером, вроде как. Утром будут добирать экипаж. Из оставшихся на борту матросов, половина — ирландцы. Все ребята бывалые. Пару недель туда, пару назад. Ха! Сам Бог велит нам прогуляться!

Но, самое главное, оплата двойная! Двойная, понимаете? Вот это удача! Завтра такое столпотворение будет. Но я уже и по этой части клинья забил... Что-то еще забыл сказать?

— Любишь ты волюнку насиловать. — Пробурчал Роджер, обсасывая косточку. — Давай, конкретно говори, что нам делать.

— Отдыхать будем. — Джек осмотрел всех счастливым взглядом. — Отдыхать, понятно? Мы уже в команде. Если, конечно, кто-нибудь против, вычеркнуть из списка никогда не поздно. Но, скажу сразу, насчет тебя, Джонни, договориться было довольно трудно. Так что, сынок, с тебя бутылочка потина.

— Подожди. — Отмахнулся я, опешив от неожиданного поворота событий. — Мы разве о чем-нибудь таком договаривались? Сроду не собирался устраиваться на судно! Еще чего не хватало.

— Смотри сам. — Произнес Джек разочарованно. — На твое место охотников немало найдется. Я так понял, раз ты здесь сидишь, значит, работы у тебя нет, а, стало быть, заниматься нечем. Ты не спеши, подумай хорошенько. А если боишься, сразу скажи — боюсь. И закончим беседу.

Он попал мне в самое больное место. Слова прозвучали почти оскорбительно, именно в такой момент, когда я, может быть, впервые, почувствовал себя настоящим мужчиной, готовым на риск и подвиги, желающим показать себя в лучшем свете перед понравившейся мне девушкой.

А я уже ничего и никого не боялся! В моей голове смешались вино и влюбленность, страх перед морской бездной затерялся где-то в детских закоулках памяти.

Мой отец — моряк! Так, какого черта я протираю башмаки, слоняясь по дублинским улицам, почему я не могу принять решение, о котором, может быть, с гордостью буду рассказывать своим детям!

И я принял решение отправиться в плавание!.

Однажды перед отплытием в Англию отец сказал мне: «Мы приходим в этот мир по закону случайности. Пытаясь познать и удовлетворить себя, совершаем кучу нелепых ошибок. В стремлении что-то изменить тратим бесполезно день за днем, не подозревая о том, что когда-нибудь наступит главная минута жизни, когда само собой придут ответы на все вопросы. Но до этого времени надо жить, принимая решения, которые подсказывает сердце».

— Мне нужно предупредить мать. — Произнес я, смотря Джеку в глаза.

— Да, само собой разумеется. Торопиться некуда. — Он не скрывал своей радости. — Молодец! Мы в тебе не ошиблись. Но стоит еще раз все обдумать серьезно.

— Уже решил, разговор пустой. — Отрезал я сухо.

— Тогда есть повод выпить! За нового моряка, будущего капитана — Джонатана Гулливера! Семь футов ему под килем и всех на свете попутных ветров! — Джек встал и осушил кружку до дна.

Я чувствовал себя покорителем самой большой высоты. Хотелось выкрикнуть что-нибудь возвышенное, но к тосту присоединился Печальный Роджер:

— И, самое главное, вернуться домой! Ух, хорошо сказал! Может, еще цыпленка закажем? А что?

Глава 10

Настроение у всех поднялось, вечер, оказывается, только начинался. Ханс попытался встать, одной рукой держа кружку, а другой наваливаясь на угол стола.

— Вам всем желаю... — Успел произнести он, прежде чем был усажен на место собственной отрыжкой. Разговоры потянулись исключительно о море. Я жадно впитывал воспоминания потрепанных жизнью бродяг и радовался тому, что судьба свела меня с этими людьми. Смеясь, представлял себя то матросом, рубящим мачту во время шторма, то капитаном, ведущим свой корабль напролом сквозь испанскую эскадру.

Мысленно я уже стоял на палубе и смотрел на отдалявшуюся сушу. Но фантазия несла меня еще дальше. В тот самый день, когда я сойду на ирландский берег просоленным «морским волком», на встречу радостно побежит Дейзи. Обнимет меня, захватит губы протяжным поцелуем, чем вызовет фонтан слез у всех встречающих в порту!

— Ты почему ничего не ешь? — Разрушил мои мысли Джек. — Завтра будешь этот стол вспоминать в самых ярких красках. Или, может быть, тебе не нравится еда, только скажи.

— Что ты, такого отличного дня рождения у меня никогда не было. — Ответил я. — Просто здорово, иначе не скажешь!

— И ты, студент, все это время молчал! — Почти закричал Джек. — Вы только послушайте, у человека день ангела, а он сидит и сопит в свою тарелку. Сволочь, ни дать, ни взять! Нет, парень, ты не прав!

— Предлагаю за именины выпить стоя. — С неподдельной радостью, икая, воскликнул Ханс.

— Лучше, сидя. — Сказал я, представив, как трудно будет немцу вставать. Джек стал громко звать хозяина таверны, но из кухни вышла Дейзи.

— Да, не ори ты! И так слышат. — Попытался успокоить я его.

— А-а-а! — Протянул Джек с ухмылочкой. — Понял, понял. Молчу, молчу... Больше ни единого слова.

Дейзи подошла и, приняв заказ, засемила по своим делам. Через пару минут появился сам хозяин и отдал Джеку его любимую бутылочку, наполненную до самой пробки. Но, похоже, Джек обрадовался больше трактирщику, чем своей зеленой подружке. Он встал, обнял хозяина и, что-то нашептывая, отвел в сторонку. А, вернувшись, положил передо мной на стол большой ключ.

— Куда его? — Спросил я, думая, что Джек отдает мне ключ на сохранение.

— Это тебе мой подарок! Четвертая комната наверху, оплачена на два дня вперед. На всякий случай, если задержимся вдруг.

— Дома, вообще-то, лучше ночевать. — Возразил я, а сам зажал ключ в руке.

— Смотри, как знаешь. Скажу тебе одну простую истину, раз уж мы собрались в путь вместе. Для того, чтобы проститься с родиной, достаточно одной минуты. Поцелуй землю и иди себе спокойно. Для прощания с семьей, пожалуй, хватит часа. Обними всех, пообещай, что с тобой ничего не случится. И, опять же, шагай по своим делам. А вот для того, чтобы распрощаться с женщиной, недели может не хватить! Как бы ты ее ни целовал, что бы ты ей ни говорил, не отпустит она сердце твое спокойным, если почувствовать будет, что любима. И сама измается, и тебя доведет! Это точно. А уж моряку перед плаванием, поверь мне, и без любви не грех с женщинами попрощаться. Хотя бы с одной. Но, это я так сказал, как бы, между прочим. Это тебя не касается...

Через час Ханса совсем развезло, и Роджер повел его к воде. Я слушал размышления Джека о будущем Ирландии, потупив глаза в тарелку. И вдруг заметил, как по лестнице поднимается Дейзи, снимая на ходу фартук. Прошла минута.

— Чего сидишь, как будто в первый раз! — Буркнул Джек.

— Может, смеяться будешь, но я в такой щекотливой ситуации, вправду, впервые. — Произнес я смущенно. А он закатился таким диким хохотом, что я сам не удержался от смеха. Потом положил руку на плечо Джека, тяжело вздохнул и, перекрестившись, направился к лестнице.

Я случайно споткнулся о ступеньку и едва удержался на ногах.. Джек не переставал ржать, как лошадь, но хоть поимел совесть прикрыть рот ладонью. Я сосредоточился и уверенным шагом стал покорять высоту второго этажа.

Стоя перед дверью номера, долго вертел ключ в руке, боясь всунуть его в замочную скважину. Войти в комнату было неудобно как-то. «Да, и что мне там делать одному? Никаких ведь договоренностей с Дейзи не было. Где она? О чем я сейчас мечтаю? Это бред какой-то!» — Переплетались мои мысли.

Едва ключ коснулся замка, дверь сама потихоньку открылась.

В глазах образовалась пелена. К внезапно протрезвевшей голове подкатила волна необузданного перевозбуждения. Дейзи стояла обнаженная на своем платье, сброшенном прямо на пол, и поправляла волосы. Мне казалось, что это сон! Я не мог ни шевелиться, ни говорить. Я просто наслаждался красотой тела, о прикосновении к которому грезил столько лет, стгорая от юношеских томлений.

— Иди ко мне. Иди, мальчик мой хороший. — Шепнула Дейзи и протянула мне руки. Я приближался к ней медленно, боясь хоть на миг оторваться от ее манящего взгляда. Она представлялась мне богиней — маленькая, хрупкая девушка, удивительно красивая и горячая. Я гладил линии ее ладоней, чувствуя, как напрягаются наши тела, трогал шею, изнемогая от непреодолимого желания потрогать все женские прелести.

После первого же поцелуя окружающее пространство перестало для меня существовать. В мире остались только двое — я и она...

Глава 11

Проснулся я с чувством жуткой усталости тела и необыкновенной легкости души, еще не поняв, где нахожусь. Уже давно расцвело, за окном слышалась какая-то ругань. В комнате я был один, поэтому позволил себе немного простонать от головной боли, которая мне отчетливо напоминала, что вчерашнее не было сном.

Неторопливо одевшись и отпив из графина водички, я вышел в коридор, не зная, куда двигаться дальше. Каждая ступенька лестницы отдавалась гулом в голове. Пройдя через пустой зал таверны, я очутился на свежем воздухе и почувствовал некоторое облегчение.

Все вчерашние впечатления, переживания и ощущения навязчиво портило омерзительное состояние похмелья.

На фоне скопившейся в такую рань толпы отчетливо выделялась фигура Джека. Он держался особняком, напоминая скорее белую, чем «спящую» ворону. Надо было срочно прояснять обстановку.

Увидев меня, Джек улыбнулся. Но не сдвинулся с места, дождавшись, пока я сам не подойду.

— Ну, живой, сынок? — Его слова меня слегка приободрили. — Если ты не передумал, дуй быстренько домой. Поговори с мамой, вещи возьми, какие считаешь нужными, и возвращайся на всех парусах. А мы пока тут за тебя похлопочем. А, если передумаешь, все бывает, тогда не поленись, забеги и скажи мне

об этом. На твое местечко тут один парень набивается. Не делай только по-французски — не уходи, не попрощавшись!

— Все, бегу. — Ответил я вместо приветствия. — Обязательно вернусь. Джек, ты не видел Дейзи?

— Не встречалась. — Отрезал он. — Не о ней же сейчас разговор. Давай вприпрыжку к дому, заодно и продышишься.

— Джек, а где ты спал? — Спросил я, чувствуя себя немного виновато.

— Спасибо за заботу. Не переживай, спали все прекрасно! Роджер успел окрутить здесь одну кудряшку. Она ему, видно, очень понравилась, раз он до сих пор не возвратился. Ханса никто не беспокоил, так что он замечательно выдряхся прямо на столе. Вон, смотри, гуляет по берегу. А я забрел к своей миленькой Магпи и провел эту ночь не хуже, чем все остальные. Как ты хоть себя чувствуешь, бедолага? Вид у тебя, скажу прямо, не важный.

— Чувствую. Себя пока чувствую. — Ответил я. — Мне бы с Дейзи парой слов обмолвиться надо.

— Успеешь еще, у тебя все впереди. — Джек легко стукнул кулаком по моему лбу. — Не заморачивай себе голову. Поверь, все будет хорошо. А сейчас беги! Удачи тебе, сынок.

И я побежал. Вначале быстро, чувствуя, что Джек смотрит мне вслед, затем чуть медленнее, чтобы выровнять дыхание, а потом совсем вяло, поскольку начал уставать. Я ведь спал-то всего часа два, не больше. Как пошутил в разговоре Роджер, если ты спишь меньше, чем пьешь, лучше, вообще не спать.

Оказавшись перед дверью родного дома, я вдруг испугался, что не смогу объяснить матери все конкретно и обстоятельно. Поэтому соврал, что отправляюсь на пару-тройку недель в Англию. Мама меня поняла. Эта сильная великодушная женщина не только выслушала, но и поддержала меня. По ма-

терински, конечно, пожурила за то, что не предупредил вчера, и за похмельную вонь. Зато дала десяток добрых советов: как нужно принимать решения в трудных ситуациях, как распоряжаться своими возможностями на дружеских пирушках, и как беречь себя для того, чтобы, в конце концов, благополучно вернуться домой. Она спокойно собрала мои вещи, затем присела и все-таки не выдержала:

— Разве это хорошо уходить из дома, не дождавшись отца и не спросив его благословения? Впрочем, что тебе мои слова? Ты ведь мысленно уже в пути. Весь в родителя своего! Он бы тебя, конечно, отпустил. Скрепя сердцем, но отпустил. И я отпускаю. Иди же и испытай себя, сын. Перед вечностью все равны! Я тебе не помеха...

Моя милая сестренка Бетти, имевшая тогда уже двух дочерей от очень серьезного даже мужа, и оттого сама ставшая серьезной, вдруг разрыдалась, как девчонка. Даже Ричард, ее избранник, кстати, не понравившийся мне изначально, и тот обнял меня крепко, пожелав скорейшего возвращения. Я долго целовал своих маленьких племянниц, и у меня самого на глаза наворачивались слезы.

В те минуты я очень сожалел, что не могу спросить у отца дельного совета, стоит ли, в конце концов, пускаться в такую авантюру, как поход к Средиземноморью.

После отплытия отца в Ост-Индию на «Доброй надежде» прошло уже три года и десять месяцев. Он должен был вот-вот вернуться. Я рассчитывал прибыть в Дублин раньше него и похвалиться своими приключениями уже на правах морехода...

Благословенный своей семьей, я побежал в порт, развернув все паруса души! Мальчишка, не знавший практически ничего, кроме прописных книжных истин, впервые почувствовал настоящую свободу. Я спешил ворваться в неведомый мир,

который должен был либо принять меня, либо разорвать в клочья.

Мне хотелось оставить свой милый сердцу остров, оторваться от земли, которая взрастила меня, исчезнуть, раствориться далеко за ее пределами. Но только лишь затем, чтоб вернуться совсем другим человеком: мудрым и закаленным, мужчиной в большом смысле этого слова...

Глава 12

Мне казалось, что прошла целая вечность с той минуты, когда мы расстались с Джеком. За время моего отсутствия на пристани практически ничего не изменилось, разве что народа стало поменьше.

Едва отдышавшись, я подскочил к Джеку:

— Не опоздал?

— Задержался ты, сынок, сильно задержался. Вместо тебя уже взяли другого матроса, ты уж извини. — Джек произнес эти слова с такой издевкой, что мне захотелось врезать кулаком прямо ему в зубы. Я ударил его, но в грудь. Джек улыбнулся и добавил. — Пошутил я! Забудь. Нервный ты какой-то мальчик. А удар у тебя неплохой, неплохой. Тяжелая рука.

Бледное лицо Ханса, еле-еле шедшего в нашем направлении, вызвало у меня чувство величайшего сострадания, но Джек опередил мои мысли:

— Не вздумай его жалеть или поддерживать! Сейчас он будет просить выпить с ним вместе, так ты пошли его ко всем чертям!

— Добренькое утречко. — Произнес Ханс с интонацией сильно избитого жизнью человека.

— Так, быстро заканчивай эту песню! — Резко перебил его Джек. — Стой и дыши свежим воздухом, пока не поднимемся на борт.

Немец замолчал, вытянулся как струнка и закрыл веки. Минут через двадцать боцман корабля потребовал от всех тишины и стал зачитывать список зачисленных на судно. Когда он произнес: «Джонатан Гулливер», чувство, вчера неожиданно приобретенной, полной свободы куда-то сразу исчезло. Я направился к трапу, мысленно говоря себе: «Все будет хорошо, мне повезло, все будет прекрасно».

С чувством страха я впервые ступил на палубу корабля. Над головой возвышалась груда реёв, веревок и различных приспособлений. Рядом стояли совершенно чужие люди, не очень-то располагающие к доверию. Я встал в общий строй, посмотрел направо и увидел физиономию Печального Роджера. Рядом с ним, с закрытыми глазами пошатывался Ханс.

Капитан, лет тридцати, в течение нескольких минут объяснял всем права и обязанности матроса. Как я понял, можно только дышать, остальное все запрещено. Боцман представил нам персонально самого главного человека на шхуне — кока Роберта Пота, отдал команду разделиться по группам и методом тыка назначил старших. Строй рассыпался, а поскольку имя мое не прозвучало при переключке, я остался стоять на месте.

— Все остальные находятся в моем распоряжении до особых указаний! — заорал боцман прямо мне в лицо, и я понял, что обречен подчиняться этому самоуверенному верзиле.

— Внимание всем! — Вмешался в суматоху капитан. — Два часа на нужды! Опозданий быть не должно, ждать никого не будем.

Мы спустились по трапу, каждый по отдельности, но остановились в одном месте. Двадцатилетний паренек, и трое зрелых

крепких мужиков, считавших меня среди себя равным. От этого на душе стало как-то теплей и уверенней.

— Два часа — это много. — Сказал Джек. — Прошу вас не разлетаться. И, главное, не напиваться! Если хотите, можем покушать, ну хотя бы в этой таверне, только сразу договоримся, ни капли спиртного.

— Бога ради. — Произнес сквозь зубы Роджер. — Пожрать, конечно, не откажусь.

— Я потратил все свои деньги. — Проскулил жалобно Ханс.

— Не волнуйся, старина, все оплачено вчера на два дня вперед! — Джек хлопнул немца по плечу. — Ты главное не сдохни до отпльтия. Мне вот интересно, почему капитан тянет, погодка вроде бы на нас играет?

Мы отправились в ту же забегаловку, где провели весь вчерашний вечер. Джек заказал завтрак, состоящий из четырех ростбифов с картофелем, портриджей и восьми кружек эля.

Желание поговорить с Дейзи переполняло меня. Я смотрел, как сумасшедший, на дверь кухни в надежде увидеть эту милашку, вчера подарившую мне столько восторга. Но по залу с подносом бегала совсем другая официантка.

— Джонни, даже не надейся. — Как будто перехватил мои мысли Джек. — Она придет только к вечеру. Все, что ты мог сказать ей, ты уже, наверняка, сказал. Все, что хотел сделать — сделал. Вот и оставь в покое и себя, и ее. Лучше поешь. Люди зря, что ли готовили. Вернемся в Дублин, тогда и встретитесь, поговорите. Тебе хоть будет, что рассказать.

Джек меня успокоил, но не надолго. Все время хотелось вернуться в комнату с номером четыре и повторить вчерашнее, или хотя бы вновь подняться по лестнице и очутиться перед грязной дверью с ключами в руках. Это были незабываемые ощущения. Я вспоминал обнаженное тело Дейзи и еле сдер-

живал желание вновь прикоснуться к нему. Но кто меня мог понять? Мне ее ужасно не хватало.

В то утро я почти ничего не ел. Печальный Роджер сухо поблагодарил меня за предоставленную возможность уплести мою порцию, и подтрунил, что влюбленные имеют меньше шансов выжить, чем те, кто «этой заразой не поражен». Кто знает, может, он был и прав.

Поначалу мне казалось, что все надо мной безбожно смеются. А позже выяснилось, что у моих новых друзей тоже в свое время были первые возлюбленные, и каждый из них разрывался на части, вырывая у жизни минуты для коротких встреч. Однако ни одной более-менее счастливой истории услышать так и не удалось.

Вспоминая о былом, Печальный Роджер рассказал, как однажды, вернувшись после года борьбы за независимость Ирландии, не застал дома никого. Только соседка нашла в себе силы показать ему могилу жены и маленького сына. Даже не могилы, а того места, где они должны быть. Кто убил всю семью Роджера — осталось тайной. А Ханс в порыве откровения поведал о том, что любимая им женщина, предпочла его молодому холеному ростовщику, который просто завалил ее подарками. Даже на один из которых Ханс не заработал бы за всю свою жизнь. Джек молчал.

Два часа пролетели незаметно. Я отдал хозяину таверны ключи от комнаты и попросил передать Дейзи мое обещание вернуться к ней в самом ближайшем будущем. Мы вышли на пристань без Джека. Он догнал нас в тот самый момент, когда прозвучала команда боцмана подняться на борт. Я сплюнул три раза и смело ступил на сходни.

Трудно было поверить, что такое разношерстное скопление мужиков может когда-нибудь превратиться в команду. Капитан на мостике отдавал распоряжения то помощнику,

то боцману. Дальше слова, как горох, рассыпались по всему кораблю.

— Марсовые к вантам! По марсам! — Заорал боцман, как резаный. Матросы стали быстро подниматься по веревочным лестницам.

— Кливера ставить! — Продолжал боцман в том же духе, и, как только два паруса в носовой части судна заиграли на ветру, завопил. — Пошел швартовы! Бизань ставить! Фок, грот, на реях готовься! Носы поднять, чертовы олухи!

Я ничего не понимал, едва успевая смотреть на движения суetyщихся матросов. Меня поразил душераздирающий скрип, который издала эта, теперь уже казавшаяся огромной, посудина, потихоньку отпрянувшая от пристани.

— Бизань гик по ветру! Руби ютовый! — Не успокаивался боцман, вертя головой по всем направлениям. — Фок отдавай! Право руля! Что вы там спите, что ли, сукины дети, грот отдавай!

Со средних реёв обеих мачт посыпались вниз огромные простыни парусов, и матросы на палубе проворно стали натягивать шкоты, после чего паруса поймали ветерок. Мачты напряглись, издав неприятный звук, напоминающий выброс газов из задней части тела сильно переувлажненного толстяка.

Корабль медленно отходил от берега боком, затем понемногу развернулся и обозначил свое направление бушпритом прямо в открытое море.

Залив был покрыт мягкой, едва уловимой волной. Однако я стоял, все время пошатываясь. Может от того, что чуть кружилась голова, а может от неуверенности в себе. Берег удалялся, но еще были различимы все мелкие очертания пристани. Не буду скрывать, мне стало страшно. Не от опасности, а просто так, необъяснимо страшно. Если бы в ту минуту кто-нибудь предложил мне вернуться на лодке обратно, я б не отказался.

Но было уже поздно. Мне казалось, Ирландия смотрит на меня глазами облаков и обнимает меня руками берегов, прощаясь, как с героем. Увы, героем своей страны я так и не стал.

Аврал на судне мало-помалу затухал. Над фоком и готом уже были поставлены марсея, но матросы оставались на реях, поливая сверху отборным матом, пока боцман не прокричал: «С реев долой, бездельники!» Матросы спускались, не спеша, едва не наступая друг другу на голову. Капитан, постояв еще немного на мостике, отправился в свою каюту.

И вот тут-то наступило время боцмана! Он подозвал к себе несколько человек и стал изрыгать на них такую брань, что я даже засомневался, на нашем ли языке он орет. Матросы слушали это все с видом провинившихся мальчишек. Ко мне подошел сзади потный и довольный Джек.

— Ну, видел? Неплохо для начала, правда? — Спросил он.

Не зная, что ответить, я пожал плечами.

— Все так в первый раз жмутся. Могло быть и похуже. Через пару дней, когда тебе это корыто родным станет, все будет нравиться. — Джек посмотрел в сторону порта. — Ты смотри, вон на фрегате тоже копошатся. Видно, надоело им на рейде бездельничать. Дождись, пока боцман позовет.

И не вздумай ему возражать, что бы он ни говорил. Внимания на ругань не обращай. Я этого придурка знаю давно уже.

— Все ясно. — Ответил я, тоже посмотрев на фрегат. На нем, действительно, происходило активное движение. Впрочем, меня больше волновало предстоящее общение с корабельным «погонялой».

Через некоторое время боцман подошел и, вопреки ожиданиям, заговорил очень даже по-человечески:

— Слушай меня, сосунок! Если уж капитана уговорили взять тебя на судно, запомни раз и навсегда: я теперь и мать

твоя, и отец, и король, и Бог, и... Короче, самый почитаемый тобой человек на борту. Все команды выполнять бегом. Никаких просьб и пожеланий. Основная твоя обязанность это сидеть на марсе. — Боцман показал пальцем на вершину мачты. — В свободное от вахты время переходишь в распоряжение кока. А, когда он тебя отпускает, хватаешь ведро и драишь палубу до блеска, особенно ют. Спать будешь по возвращению в Ирландию. Понял?

— Да! — Звонко отчеканил я.

— Если понял, выполняй! — Громко закричал он, брызнув слюной мне в лицо. Затем почти прошипел. — И еще. Ты, стервец, должен делать всю эту работу с радостью, с благоговением, с улыбкой, если хочешь, с песнями и танцами. Иначе я тебя, гнида, гноить буду, пока не сдохнешь, или за борт выкину.

Довольный своим красноречием, боцман, присвистывая, двинулся в сторону мостика. Конечно, я уяснил круг моих обязанностей, но чем конкретно заниматься именно сейчас, даже не предполагал. Поэтому тупо остался стоять на месте. Но боцману, похоже, на это было наплевать. Он-то свою обязанность выполнил: мозги мне, вроде как, вправил. Джек, стоявший в стороне, едва сдерживал смех.

— Вот, сынок, первое морское причастие! — Усмехнулся он. — Ты, главное, не сопливься. Здесь все четко по расписанию. Начальники свое дело знают, а мы свое. И, поверь мне, они меньше боятся цунами, чем недовольства матросов, так что сами палку перегибать не станут. Однако, ты подчиняйся, старайся все премудрости поскорее изучить, поскольку море дураков хоть и терпит, но не любит.

Мы спустились в кубрик, где стоял удушливый запах смолы и пота. Джек показал место моего отдыха — подвешенный на кольца парусиновый гамак. У остальных были точно такие же логи.

— Ко всему можно привыкнуть. — Джек говорил тихо, словно боясь кого-нибудь разбудить. — И к гальяну тоже. Ко всему, кроме корабельной жратвы. Даже, если себе внушить, что ты свинья, и можешь впихнуть в свой желудок что угодно! Почему я тебе вчера и втолковывал: набивай пузо на две недели вперед. Вещи свои спрячь так, чтоб самому потом не найти. Народец здесь не очень-то надежный, хотя все знают, что за воровство можно отправиться на завтрак акулам. Впрочем, у тебя и брать нечего. Чего кислый такой, морячок?

— Неудобно даже тебе говорить. — Ответил я Джеку. — Но, знаешь, если честно, все представлялось мне в несколько лучшем виде. Вот к этому я никак не готов...

— Хватит слюни пускать! — Перебил он. — Наверное, скучаешь по Дейзи? Угадал?

— Да. Мы с ней даже не простились. — Не стал возражать я.

— Так вот, Джонни, прошу выслушать меня. Как мужчина мужчину. — Джек обнял меня за плечи. — Наверняка, стоит тебе обо всем сказать сразу. Не дети мы уже, чтоб душить друг друга. Понимаю, чувства твои искренние, но на жизнь надо смотреть трезво. Мы все когда-то ступали на порожек первой любви. Хочется, чтоб ты знал обо всем до нашего возвращения. Короче, Дейзи — обыкновенная портовая шлюха.

Меня всего передернуло, скулы сжались. Джек, конечно, видел мое состояние, но продолжал:

— За нее я заплатил точно так же, как и за комнату. Сам знаешь, бесплатные услуги только в монастыре. И то, не всегда. Она взяла деньги за две ночи. Чтоб ты знал на будущее, ночь, в понятии проституток, это восемь часов. Хотя разговор сейчас вовсе не о деньгах. Ты парень умный, остальное сам додумаешь. Извини, вчера хотелось сделать, как лучше...

Я присел на корточки. Весь внутренний гнев в один миг превратился в угнетение. Хотелось выбежать на палубу, броситься в воду и плыть к берегу. Возможно, я бы сделал именно это, если бы умел плавать. Но я был заперт судьбой на проклятом корабле.

— Матери что сказал, куда отправляешься? — Вопросом врезался в мои переживания Джек.

— В Лондон. — Скрипя сердцем, ответил я.

— Молодчина. Меньше волноваться будет за тебя, впечатлительного такого. Давай, обживайся. Из головы лишнее выбрось, а если тяжело будет, помни, я всегда помогу. — Джек направился к трапу.

— Спасибо. — Сказал я ему вдогонку.

Джек обернулся, подморгнул мне и произнес:

— Поблагодаришь после, сынок, если действительно будет за что. Пока все не так, как хотелось бы. В этом ты точно прав. Благодарю Бога за подаренную им тебе Любовь, даже если ей отведено было всего несколько часов жизни...

Глава 13

Десяток матросов, собравшись у правого борта, что-то бурно обсуждали, то и дело показывая пальцами на тонкую полоску земли, которая то приближалась, то удалялась — милая сердцу Ирландия. На нее я впервые посмотрел со стороны. Черт возьми, как я мог забыть наставления Дджека. Не попрощался, как положено, с родиной. Все спешил. Это было легкомысленно с моей стороны...

— Где эта сволочь белобрысая? — Заорал во всю глотку боцман. Увидев меня, ухмыльнулся и стал крыть еще более

жуткими ругательствами, а потом кулаком уперся в мой подбородок. — Почему марс пустой, быстро наверх!

Я побежал к вантам. Как обезьяна, стал подниматься наверх, понимая, что вся команда сейчас смотрит только на меня. Лезть по веревкам было ничуть не сложнее, чем по веткам деревьев, и мне удалось без особых усилий занять свое место в бочке, которую по-морскому называют «воронье гнездо».

— Эй, на марсе! — Прокричал боцман. — Не рухни от туда ненароком, а то придется потом палубу от твоих кишок отмывать.

Я осмотрелся. Море переливалось всеми цветами радуги, отражая солнечные лучи от своего бархатного покрывала, режущего глаза переливом миллионов солнечных зайчиков.

На мачте в одиночестве я чувствовал себя защищенным, по крайней мере, от боцмана. Матросы внизу копошились со снастями, корабль спокойно резал морскую гладь. Ко мне, наконец-то, пришло осознание причастности ко всему происходящему, важности моего присутствия на судне. Конечно, это громко сказано! Через пару часов тупого смотрения вперед занятие это потихоньку надоело. Потому, как не было ни опасных рифов, ни острых скал, ни даже проходящих мимо кораблей. А когда ирландский берег скрылся из вида, время вовсе остановилось. Я еще и еще раз прокручивал в голове события двух прошедших дней. То вздыхая, то улыбаясь, целиком отдался приятным воспоминаниям.

Паруса играли с ветром, прихлопывая от его внезапных порывов. А мачты и рей надрывно скрипели, словно противясь этой игре. Как ворчливые старухи.

— Не спишь? — Меня напугал голос рыжего матроса, поднявшегося наверх. — Слазь, обезьянка, с ветки. Смена.

Я медленно спустился на палубу, ноги не слушались. Поел и собрался спать. После долгой вахты корабельная пища по-

казалась мне не такой уж плохой, а гамак и вовсе самой мягкой периной.

— Тебя не мутит? — Спросил, спустившийся в кубрик, Джек. Выглядел он устало.

— В смысле, от еды? — Не понял я.

— Нет, в смысле от морской качки. — Джек протяжно отрыгнулся.

— Не мутит. — Ответил я, погружаясь в сон.

— А я отвык, что ли? Если не мутит, и жратва тебе нравится, значит, ты прирожденный моряк. — Сделал он вывод и завалился рядом.

Часа через два меня разбудили, в полусонном состоянии привели к коку Роберту. Тот сразу стал относиться ко мне весьма благосклонно, однако, рутинная работа на камбузе все же изматывала до предела. Один вид грязной посуды приводил меня в ужас. Я, то и дело, бегал к борту с парусиновым ведром, опускал и поднимал его на веревке, весь облился морской водой, и к вечеру уже чувствовал себя пересоленной селедкой.

Одно ведро упало за борт. Кок буркнул: «После расчета купишь новое, если, конечно, найдешь где купить. Кстати, это было мое любимое ведро, так что, братец, с тебя еще и причитается».

— Сколько? — Серьезно спросил я.

— Ладно, забыли. — Ответил кок. — Иди на отдых.

Когда начало смеркаться, появилось время побродить по палубе. Джек пообещал, что поутру расскажет мне о назначении деталей и узлов, поможет разобраться во всех судовых премудростях, хотя бы для того, чтобы я в экипаже не выглядел полным профаном.

Всю ночь на корабле царило движение. Одни приходили в кубрик, другие уходили. Чертовы бимсы, пиллерсы и прочая древесина издавали жуткий, не прекращающийся ни на секунду

скрип, похожий на чавканье лошади, пережевывающей кусок доски прямо возле уха. Казалось, судно сейчас развалится.

Когда же сон начал поглощать мое сознание, навязчивая «музыка морских путешествий» становилась тише и тише, а затем и вовсе исчезла. Мне снился отчий дом, чудные улицы Дублина, по которым почему-то бегает орущий боцман. Снилось фигура Дейзи. Я грезил снова ощутить тепло этой очаровашки. Но ее лица я не видел. Оно было закрыто белой пеленой моего разочарования...

Глава 14

— Такими пальчиками только на арфе играть или, в крайнем случае, в жопе ковыряться! — Возмущался Джек, обучая меня вязать морские узлы. — Тяни сильнее, вот, вот так, молодец. Да не так, чтоб тебя! Наберут уродов в команду, а потом мучайся с ними!

Мне нравилось, как он изысканно ругался. На самом деле, это была похвала. У меня все получалось, что бы он ни говорил. Хотя, по моему глубокому убеждению, вся эта наука вряд ли в будущем была бы мне полезна. Честно говоря, я уже начал мечтать провести остаток жизни где-нибудь на конюшне, где вокруг нет морской воды, а только навоз.

Нет, скорее всего, я не прав. Всякие приобретенные знания когда-нибудь пригодятся. Сам того не заметишь. Столкнешься с неразрешимой проблемой, задумаешься. Ба, да меня же этому учили! Это так просто!

Печальный Роджер выполнял свою работу молча, и, сколько бы мы с ним не встречались, не проронил ни слова. Ханс наоборот болтал без умолку. Ходил важно, улыбаясь,

поскольку познакомился с двумя немцами — членами команды, бывшей на корабле еще до отплытия из Лондона. Немцы друг за друга стояли горой.

Дни тянулись долго. Большую часть времени я проводил в обществе кока, успел найти с ним общий язык. Я понял, что нужно просто слушаться и, главное, слушать, не перебивая, и тогда «властелин камбуза» будет находиться в добром расположении духа. Формула спокойной работы проста: выполняй все указания начальства, при этом оставаясь собой. Проблемы набить желудок, естественно, у меня не возникало. Я даже начал поправляться.

Мы оставили за кормой воды залива Святого Георга. Я стал привыкать к повадкам матросов, издевательским шуткам, бесчисленным окрикам боцмана. В какой-то момент мне захотелось изучить судно получше, побывать в трюме, а особенно на юте. Но вход на мостик был ограничен, а в трюмовый отсек, где несли вахту английские солдаты, вообще, запрещен. В принципе, это никого не волновало. Кроме Джека...

— Обрати внимание, какая вода стала. — Сказал он, когда третьи сутки пути были на исходе. — Не наша, не ирландская. Тяжелая. Отлив у нее другой, а волнение мощное, размашистое.

Я смотрел за борт и ровным счетом ничего не замечал.

— Мы, сынок, вышли из мелководья. — Продолжал Джек. — Под нами океан, великая Атлантика. Если заглянуть дальше за горизонт, вон туда, на восток, то Францию можно было бы увидеть. Бискайский залив — красота, поверь, необыкновенная! А Бретань, ой, Бретань — мои лучшие воспоминания! Увидишь, все еще увидишь. Прямо по курсу Пиренейский полуостров, возможно, мы подойдем близко к его южной части, но это не раньше, чем через неделю. Красотища!

— Ирландия там? — Показал я рукой в сторону кормы.

— Ирландия? Она здесь, Джонни. — Ответил он, постукивая по моей голове указательным пальцем. — У человека, оставившего Родину, она лишь только в воспоминаниях.

Часами просиживая на марсе, я томно обозревал бесконечность морской стихии. Ни одной точки на горизонте, ни одного корабля. Только вода и ветер. Вода и ветер...

На пятые сутки пути я уже изучил весь рангоут и такелаж судна. Джек рассказал, как нужно определять местонахождение корабля по Солнцу. В считывании скорости корабля с использованием лага у меня даже появился кое-какой опыт. Но это было обязанностью других. А мне снова и снова приходилось сидеть часами в бочке, глядя в слияние моря и неба.

Моей радости не было предела, когда на горизонте наконец-то появились паруса. Я долго думал, как бы об этом правильнее сообщить на мостик, в конечном счете, крикнул:

— Вижу судно слева сзади! Аврал!

Меня, ясное дело, никто не воспринял всерьез. На мостике, вопреки моим ожиданиям, ничего не произошло. Только помощник капитана, посмотрев в подзорную трубу, почему-то стал крутить туда-сюда пуговицу на кителе. Его волнение было заметно даже с высоты.

Корабль, увиденный мной, двигался попутным курсом на расстоянии примерно двух, а может, трех миль, не приближаясь и не удаляясь. Когда, на следующий день, я поднялся на марс, то увидел судно практически на том же месте. И даже обрадовался, что у нас появился попутчик. Флаг корабля просматривался нечетко, но это были явно не испанцы. В противном случае, в непосредственной близости от врага капитан точно что-нибудь стал бы предпринимать.

Джек рассказал мне, что купеческие суда при угрозе нападения имеют массу способов улизнуть от неприятеля. А еще бывают такие случаи. Часто хитрые капитаны «присасываются»

к впередиидущим попутным кораблям, чтобы заранее определить, откуда ждать беды. Враг нападает на ведущего, он-то ближе. А второго просто уже не видит. В это время есть возможность смыться. Но, хотя мы шли первыми, во мне не было ни капли беспокойства. Даже хотелось испытать что-нибудь необычное. Надоело однообразие. Мы двигались бок о бок с попутчиком долгих шесть суток...

В то время, когда я в очередной раз оттачивал навыки мытья посуды, на палубе неожиданно возник шум. Все ринулись в матросский кубрик. Ужасно захотелось узнать причину заварухи, но Роберт быстро охладил мой порыв:

— Даже не рыпайся! Наверняка, матросы что-нибудь не поделили. Сами разберутся. Твое место там, где стоишь! Вот и стой!

Через несколько минут на палубу вынесли окровавленное тело. Чуть позже двое солдат вывели под руки матроса Вилли Крысу (так его называл Джек) с разбитым лицом. Оказалось, Вилли оскорбил молодого неопытного матроса, а тот бросился на него с кулаками. Вилли в свою очередь вынул из сапога нож и всадил его по самую рукоять бедолаге в предплечье. В возникшей потасовке Вилли получил лишь пару зуботычин. Его потом привязали к трюмному пиллерсу в ожидании решения капитана. Рана молодого матроса оказалась не смертельной.

— В прежние времена за такие дела на рею отправляли, причем, сразу, долго не разбираясь! — Возмущался Джек. — По Крысе, однозначно, веревка плачет. А вместо этого капитан приказал всем сдать боцману под замок любого вида оружие. Все ножи забрали. Все перешерстили, сволочи. Какой моряк без ножа! Случись что, с океаном каждый будет говорить только один на один.

С этого времени команда разделилась на два лагеря. Одни поддерживали капитана, другие ворчали о забытых морских

традициях. Но, и те другие сошлись в одном мнении, что самосуд над Вилли Крысой в отсутствии священника все-таки чинить не стоит. Решили, что зачинщика осудит закон. Ну, или, в крайнем случае, Бог. На том и успокоились...

Глава 15

На двенадцатый день пути команда оживилась. Когда уже начали опускаться сумерки, все услышали радостный крик марсового: «Прямо по курсу земля!»

Матросы высыпали на палубу и уселись вдоль фальшборта прямо на настил, еще битый час вглядываясь в очертания побережья.

— Отдыхаешь? — Спросил, подошедший вразвалочку, Джек.

— Устал уже отдыхать! — Ответил я ему, вытирая мокрые руки о штаны. — Это Гибралтар?

— По-моему, это африканский берег. Похоже на мыс Малабата или Альбоака. Я бы сказал точнее, но видимость ни к черту. Западнее должна быть Танжерская бухта. А Гибралтарский пролив рядышком. — Пояснил Джек и добавил. — А знаешь, если капитан соображает, то мы через пролив прямо сейчас пойдем. Место узкое, не шире восьми миль, зато днем здесь всякой нечисти кишмя кишит. Днем-то все, как на ладони. У Геркулесовых столбов нас, наверняка, испанцы ждут. А ночью им хрен по всей морде!

— Что это за столбы такие? — Спросил я, представив себе скалы, нависающие над мачтами.

— Никакие это не столбы. Просто называются так. — Джек на секунду задумался. — Ага, вспомнил, названия.

Язык сломаешь. В северной части пролива гора Сьерра-де-ла-Луна, ярдов девятьсот высотой. Это Испания. А с юга, уже на африканском континенте, такая же мусорная кучка — гора Муса. Вот тебе и все Геркулесовы столбы. Но это место сам дьявол сотворил, причем, прежде, чем такую гадость сделать, долго думал. Будь он неладен! Сейчас нам, вроде бы, везет. Имеем неслабый бакштаг — попутный ветер, прибавь к нему восточное течение. Будь я на месте капитана, двинул бы в пролив, не медля.

— Однако, ты не капитан. — Возразил я ему. — Кстати, а почему ты до сих пор не капитан? Посмотри, как люди тебя уважают. И мозги варят.

— Насчет людей скажу. Я никого не прошу себя уважать. Это их дело личное. Мне их уважение до одного места. Но поскольку мы так и остались, в принципе, стадными животными, быть у народа в чести иногда, может, и полезно. — Джек откашлялся и продолжал. — А насчет капитана? Не всем, сынок, командирами быть. Для этого нужно родиться в нужном месте и в нужное время. Но, поверь мне, лучше быть хорошим матросом, чем плохим капитаном. С другой стороны, быть хорошим матросом в подчинении дерьмовому капитану — еще хуже.

Неожиданные крики боцмана вызвали бурное движение на корабле. До меня только доносились обрывки воплей, типа: «Суки ленивые! Дерьмо собачье! Твари!» Матросы резво обрасопывали реи. Усиливающийся временами, плотный ветер с запада натягивал шкоты до предела.

— Курс норд-ост! Грот-марсель шкот подтянуть! Промер глубин постоянный. — Отдал распоряжение капитан. В его голосе чувствовалась нервозность. Боцман прокричал то же самое, но так громко, что его услышали, наверное, жители не только Марокко, но и Нового Амстердама.

Мы повернули на восток, когда закат уже догорал. Попутный ветер наполнил паруса и корабль понесся в бездну, разбивая черные волны. Двое вперёдсмотрящих залегли у самого бушприта. Я же отправился в кубрик, поскольку пока явно был никому не нужен. Тем более, начался дождь.

Заснуть долго не мог, зато, как только мои мысли растворились в легком и прекрасном небытии, тут же был поднят для заступления на вахту.

В ту ночь, находясь на вершине, бешено раскачивающейся, мачты, я понял одну простую истину. Страх и неуверенность нужно преодолевать постоянно. Это труд, огромное усилие над собой. Для полного преодоления неуверенности в себе надо попасть в ситуацию, где от тебя ничего не зависит, где ты сможешь просто забыть о страхе, думая только о выживании. Именно так можно стать сильным, уверенным в себе человеком. Через естественное преодоление страха...

Как ни напрягался я, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь, в глазах была крошечная тьма. Ни Луны, ни звезд. Ни черта! Мы двигались вслепую безо всякой возможности опередить опасность. Мной начал овладевать азарт охотника, выискивающего свою жертву. Впрочем, азарт быстро сменился, сдавливающей грудью, тревогой. Наверное, такой, какую испытывает сама жертва, не зная, откуда подступает смерть.

Я задумался над тем, почему не готовят к бою фальконеты. Но, если посмотреть другой стороны, в такой тьме применять орудия было бы невозможно. Да, и что это за орудия — четыре, намертво прихваченные брюками, ствола столетней давности.

Дождь осыпал затылок колючими каплями. Через час я уже промок до нитки. Сменившись на рассвете, уставший и разбитый, я плелся по мокрому настилу палубы к заветному кубрику. Джек стоял возле швартового клюза и всматривался в туманную глубину.

— Пойдем спать. — Обратился я к нему, еле выговаривая слова.

— Проскочили! — Сказал Джек с досадой.

— Вот и хорошо, что проскочили. — Вставил я, не очень понимая, о чем идет речь.

— Ничего хорошего. Бухту проскочили! К тому же отклонились южнее. Если мне не показалось, то я видел очертания мыса Альмина. Значит, если нас тащило на юг, то мы сейчас где-то в районе Сеутского залива, а в этом ничего хорошего нет. Точно тебе говорю. Против ветра далеко не попрушь, да еще при такой видимости! А-а! Бывал я в этих водах. Поверь, дерьмовое наше дело. Еще мне показалось, что видел я фрегат трехмачтовый в пяти кабельтовых, не дальше. Появился он, и в то же мгновение исчез. — Джек говорил отрывисто, теребя пальцы. — И, вообще, Джонни, не нравится мне все это, ох, как не нравится. Иди спать, переодеться только не забудь. Чувствую, денек сегодня трудный будет, точно.

— Мало ли чего привидится. — Я потянулся, зевая. — Пусть капитан думает. Тебе оно надо?

— Думать надо всегда! И решать все всегда надо только самому. Даже, если ты всего лишь шестеренка в часах! — Вдруг закричал Джек.

— Спокойной ночи. — Отмахнулся я.

Дойдя до гамака, рухнул, сбросив с себя только верхнюю одежду. На большее сил не хватило.

Глава 16

«Теплая женская грудь коснулась моих губ. Я лизнул сосок. Руки хаотично блуждали в переплетении ног. Там все было горячо и влажно...»

Вдруг резкий толчок! Гамак стукнуло о переборку. Это, отчасти, вернуло меня в сознание после коротких минут сна. Первое, что пришло в голову — корабль сел на мель. Наверху послышались крики, выстрелы и душераздирающие вопли. Я вскочил, ничего не понимая, ринулся к выходу. Но не успел сделать и пяти шагов.

Джек буквально слетел с трапа, сбив меня с ног. Нервно осмотрев кубрик, где находились еще двое матросов, он отчаянно выругался. Глаза мои округлились, когда он, громко выдохнув, зубами рванул тыльную сторону своей левой кисти. Затем набросился на меня и стал мазать мое лицо своей кровью. Я пытался сопротивляться этому безумию, но Джек грубо подтянул меня за ворот и прошипел:

— Заткнись, умри на время. Чтоб ни одного движения, понял?

— Но... зачем? Что? — Еле-еле прохрипел я в ужасе.

— Ладно, долго объяснять! Прости, сынок! — Последнее, что я слышал перед тем, как огромный кулак Джека с размаха опустился на мой лоб.

За пару секунд я успел почувствовать, как налились немотой руки, как кровавый вихрь захватил мозг и потащил по кругу, и как, уже без боли, мое обмякшее тело ударилось спиной о настил.

Глава 17

Розовые круги плыли перед глазами, когда я очнулся от сильных пощечин. Руки не слушались. Я был вынужден терпеть боль этого издевательства, отдававшуюся в висках уколами ножей. Но двигаться не мог.

— Очнись, быстрее же! Джонни, проснись! — Слышал я крик откуда-то издалека. Собравшись с силами, с трудом восстанавливая координацию, я сгреб в кучу остатки сознания и открыл глаза. Передо мной сидел окровавленный Джек и тряс меня за плечи.

— Проснись же, бестолочь, в конце концов! На палубу нам надо, на палубу! — Злился он.

Мои веки опять опустились. Джек потащил меня наверх, словно свиную тушу. На палубе помог подняться на ноги. Простоял я, правда, недолго. Рядом с бортом поднялся огромный столб воды. Волной, словно плетью, нас припечтало к борту. За этим взрывом с короткими промежутками последовали еще два. Грот-мачта, разлетевшись в щепки почти у самого основания, стала валиться прямо на нас, но повисла, зацепившись за фок. В ту же секунду с воем полетели куски обшивки носовой части.

— Прыгай, прыгай в воду! — Орал Джек, толкая меня в спину.

— Не могу! — Кричал я в отчаянии. — Не могу! Плавать не умею!

— Твою мать! — Он был на грани истерики. — Прыгай, говорю, там и научишься!

— Не могу, понимаешь?

— Господи, да что же это!!! — Джек опустил руки.

С ужасным скрипом грот-мачта рухнула на правый борт, увлекая за собой всю оснастку, и мы покатались по палубе сильно накренившегося судна.

После двух очередных выстрелов развалился мостик. Бизань-мачта упала на левый борт. От следующего взрыва корабль трянуло так, что последняя мачта с грохотом ломающихся рей крестом легла на грот.

Я обеими руками держался за леер, но крепление лопнуло, и веревка ускользнула. Мои ноги уперлись во что-то мягкое. Обернувшись, я увидел скорченного матроса. Его тело было без головы.

Под тяжестью мокрых парусов лежащая мачта надломилась и потащила за борт рвущиеся канаты, штанги и рей. После того, как все это оказалось в воде, крен уменьшился.

Выстрелы прекратились. Я привстал и попытался осмотреться, но видел все туманно, потому что глаза заплыли после удара Джэка. Инстинктивно я бросился тушить пламя, разгорающееся на корме. Наверное, чувствовал, что, если не сделать этого, шансы выжить будут равны нулю. С трудом переводя дыхание, я огляделся вокруг. То, что предстало перед моими глазами и есть, наверное — ад!

На раскуроченной палубе всюду лежали трупы. Изрезанные, исколотые, с отрубленными конечностями люди.

— Джэк, Джэк. — Прохрипел я, выталкивая языком кровавую слюну. Попытался выпрямиться, и в тот же миг меня вырвало. Опустившись на колени, я долго не мог сдержать, содрогающих грудь, конвульсий. После чего упал, обреченно охватив голову ладонями.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я осмелился снова открыть глаза.

— Джонни, сынок. Помоги. — Звал меня Джэк, тяжело дыша. Он лежал на груди, придавленный обломком мачты, который впился ему в спину между лопаток. — Убери эту дуру с меня, закливаю...

Нагромождение запутанных мачтовых канатов не позволяло Джеку освободиться. Острый кусок древесины рвал его рану в такт волне.

— Топор, найди топор! Как больно... — Джек потерял сознание.

Я метался по всему кораблю, тщетно пытаюсь отыскать хоть что-нибудь острое. От досады текли слезы. И вдруг я вспомнил о маленьком кухонном топорике, который прятал кок за шкафчиком. «Так, на самый неприятный случай». — Говорил он.

Я поспешил на камбуз, как только мог.

Кок Роберт Пот сидел на полу, прислоненный спиной к переборке, и смотрел прямо перед собой, широко раскрытыми мертвыми глазами. На груди у него зияла огромная кровавая дыра. Рядом лежала по локоть отрубленная рука. Безжизненные пальцы сжимали тот самый заветный топорик.

Я схватил его вместе с рукой и бросился наверх. Двух резких взмахов было достаточно, чтобы отрубленная часть тела бедного кока улетела в море на корм рыбам.

Перерубив веревки, я попробовал приподнять кусок мачты, но сил не хватило. Тогда Джек со стоном, отжавшись, выпрямил руки и сам сбросил с плеч невероятный груз.

Джек встал на ноги, сделал шаг, сильно выгибая спину вперед. И упал без сознания. Спина его была разорвана в клочья.

Вдруг донеслись обрывки речи, очень напоминавшие команды боцмана. Я подошел к левому борту и увидел еле различимые очертания корабля, исчезающего в дымке. Я хотел крикнуть, позвать на помощь, но именно инстинкт самосохранения не позволил мне этого сделать.

Через минуту наступила мертвая тишина... Мертвая...

Джек долго не приходил в себя, а я совершенно не знал что делать. Дрожь во всем теле мешала сосредоточиться.

Впервые я отчетливо ощутил холодное дыхание смерти за своей спиной.

Но это был лишь ветерок. Джек наконец-то очнулся, с трудом повернулся на бок. По лицу его текли слезы боли.

— Все, приплыли, сынок. Суши весла. — Произнес он сухим шепотом. Я помог бедняге придвинуться к бортику.

— Что мне надо делать? Что делать, Джек, скажи! — Почти кричал я от отчаяния.

— Успокойся. Первое, что нужно сделать в трудной ситуации — успокоиться. Поверь, все худшее уже позади. — Прошептал он и отключился на несколько часов, превратившихся для меня в вечность. Я сидел возле него, как котенок возле погибшей матери, боясь оглянуться.

Очнувшись, Джек попытался привстать. Ничего не получилось. Он выругался несусветной бранью, потом успокоился, зажал мою руку в свою крепкую ладонь и сказал:

— Прости меня, Джонни, ради всего святого. Прости меня, старого дурака за то, что втянул тебя в это скотство.

— Все нормально. Все хорошо. — Я говорил ему слова, в которые сам не верил.

— Ладно, помолчи уже. — Он попытался изобразить улыбку, но лицо его скорчилось от боли. — Руби все канаты. Собери все, что можно сожрать. Заодно прихвати и барахло, которое может в нашем положении пригодиться. Все это тащи сюда. Подумай, можно ли из обломков соорудить плот. Если это корыто затонет, мы хотя бы будем на плаву. И еще, найди сумку судового врача. Нужно обработать рану. Хотя, я чувствую, это бесполезно.

— Только не умирай. Этого делать не надо. Не умирай, пожалуйста. — Молил я Джека, а он опять потерял сознание.

Все-таки, найдя в себе силы, я раскромсал топориком веревки. Приложив все усилия, сдвинул проклятую мачту за борт.

Джек не приходил в себя до самого вечера. Я не стал сооружать плот, потому что корабль устойчиво оставался на плаву. Пошарив во всех отделениях судна, к сожалению, не нашел ничего съестного. Шансы выжить значительно уменьшились, зато ко мне вернулось самообладание. Я не знал чем обработать рану Джека, как облегчить его страдания, потому что никаких медикаментов на судне не было. Последним и единственно реальным средством помощи оставалась молитва. И я трепетно поднял глаза к небу, может быть, впервые в жизни по-настоящему, глубоко и искренне прося помощи у Всевышнего...

Глава 18

— Что снилось? — Спросил я у Джека, как только он открыл глаза. Хотелось хоть немного поднять его настроение. — Чаю крепкого не желаете?

— А то мне снилось, любезный друг, что дела наши не очень хороши и, скорее всего, один из нас скоро сдохнет. — Джек говорил, пытаясь изобразить улыбку, потом стал серьезным, даже мрачным. — Сегодня я плохой помощник, Джонни. Поэтому делай все сам. Не завидую твоей участи, но это необходимо. Тела моряков принадлежат морю. Не заставляй их израненные души витать над нами. — Он закрыл глаза от пронзившей его боли, но закончил свою мысль. — За каждого замолви перед Богом доброе слово. Никто, кроме тебя уже этого не сделает. Понимаешь, о чем речь?

— Не маленький. — Ответил я, боясь даже посмотреть в сторону трупов.

Но я выполнил священный последний долг моряка. Подтаскивая к борту каждое тело, искренне молился за упокой

души, жившей в нем. А потом сталкивал труп в воду, слыша кошмарный всплеск, с которым море принимало его в свои объятия.

Лицо Ханса было изуродовано до неузнаваемости. Удар саблей пришелся ему прямо по переносице. А Печальный Роджер лежал на мостике с благоговейной улыбкой. Можно было подумать, что он спит, если бы не видеть разрубленный живот и вывалившиеся внутренности.

Выгаскивая тела из трюма, я совсем обессилел. Руки и ноги перестали слушаться. Но, падая, заставлял себя вставать снова и снова. Хотелось как можно быстрее завершить эту ужасную миссию. Уже совсем стемнело. В кубрике оставались лежать еще два мертвых матроса. Кок продолжал сидеть на том же месте с окоченевшими глазами, в то время как его руку, наверное, давно обглодали рыбы. И еще в каюте на столе лежало тело помощника капитана.

Самого капитана я не нашел, точно так же, как не нашел Вили Крысу. Вевки, которыми он был привязан к пиллерсу, были разрезаны и валялись рядом. Это показалось мне очень странным, поскольку уж кто-кто, а связанный Вилли был для нападавших самой легкой мишенью. Не имело никакого смысла освободить его, чтобы затем убить. Впрочем, многое мне остается непонятным до сих пор.

Еле-еле дойдя до Джека, я упал и отключился. А, проснувшись на рассвете от нервной дрожи, первым делом предал морю последние оставшиеся на борту тела. Страх от присутствия мертвецов сменился страхом одиночества и бессилия.

Джек никак не приходил в себя, он становился все бледнее. Пальцы его совсем похолодели, но дыхание было ровным и спокойным. Ближе к полудню дымка рассеялась, и взору открылась сияющая средиземноморская даль. Ни единой точки

на горизонте, ни одного намека на близость суши. Только бесконечные мягкие волны, слегка раскачивающие нашу, чудом оставшуюся на плаву, расстрелянную посудину. Жаркое летнее солнце обжигало и выпаривало тело. Невыносимо хотелось пить. Вокруг было целое море воды, а толку от нее никакого. Половину бутылки пресной воды, которую я нашел на камбузе, решил оставить Джеку.

Наконец-то он открыл один глаз, протер, слипшийся от крови, второй. Тяжело откашлялся, боясь сделать лишнее движение. Я с нескрываемой радостью наблюдал его пробуждение.

— Всех похоронил? — Тихо спросил он.

— Всех. — Почти шепотом ответил я. — Тебя вот только не успел.

— Не дождешься. — Джек улыбнулся. — Я тебе еще успею надоесть. Доложи-ка лучше, капитан, обстановку. Куда путь держим, в какие заморские дали?

Его улыбка придала мне уверенности, и стал медленно рассказывать по порядку обо всем, что произошло за день. Не утаил, что у нас не осталось ни воды, ни пищи. Джек слушал молча, и вдруг, ни с того, ни с сего оживился:

— Ничего, ничего, капитан, все нормально. Средиземное море все равно, что болото. Куда ни плюнь — везде земля есть. Крысы на корабле всегда найдутся, голодать не будем. Кстати, ты пробовал этих милых тварей на вкус?

— Как-то не доводилось. — От одной только мысли о крысах меня затошнило. Я не придал словам Джека серьезного значения, поделившись с ним совсем другими переживаниями. — У меня сейчас перед глазами другая крыса — Вили. Его на корабле не было.

— Даже не сомневаюсь в этом. — Хладнокровно воспринял он мои слова. — И капитана, наверняка, не нашел?

— Точно, не нашел. — Подтвердил я.

— Значит, и груза нет. Все теперь становится понятным. Кроме одного. Что именно мы перевозили? Не смекну никак, чтоб мне облысеть!

— В трюме пусто, и вообще, ничего нет. Эти проклятые испанцы выгребли все.

— Ошибаешься, Джонни. Это были не испанцы. — Джек смотрел мне прямо в глаза. — И не пираты. Вспомни, где ты впервые увидел корабль, который долго-долго шел с нами одним курсом?

— Где-то в Бискайском заливе, или, может, южнее. А что? — Я не очень понимал ход его мысли.

— А то, что пасли нас, как овец, сынок. С самого начала пасли! — Джек откусил кусочек запекшейся крови на левой руке и брезгливо сплюнул. — Как я мог не понять этого раньше! Соображай. Выходит из Ливерпуля неизвестно чье купеческое судно, с неизвестно каким грузом. Заходит зачем-то в Дублин, где оставляет половину команды. Дальше капитан набирает нас, дураков. Кстати, я сам напросился. Все это шито-крыто и, заметь, без контроля. Мы срочно отбываем в Гибралтар, не имея при этом на борту надежного вооружения. И вдруг случайно! Случайно на маршруте появляется корабль, который легко мог бы обогнать нашу посудину, но устойчиво плетется рядом в течение нескольких дней. Ничего подозрительного не замечаешь?

— Замечаю, конечно. — Ответил я. — Но не понимаю.

— Подставили нас, сынок. — Джек захрипел. — Как пушечное мясо, со всеми потрохами продали. Причем заранее знали, что и когда делать будут. И капитан, эта первая сука, и Вилли Крыса знал! Потому и драку затеял, чтобы оружие у всех матросов собрать. Чтоб их потом резать было проще. Все знали, все предусмотрели эти сволочи. Но что это, черт возьми, был за груз такой важный?

— Может, золото. — Предположил я.

— Как это ты так быстро смекнул? Конечно, сынок, золото. За него во все времена люди друг другу глотки перерезали. — Джек немного успокоился. — Со всей уверенностью могу сказать, что это было золото Англии. Здесь замешаны люди повыше: те, кто с легкостью распоряжается человеческими жизнями, кто привык и давно считает личным правом уничтожать других ради своего богатства и благополучия, прикрываясь в большинстве случаев интересами государства. Только такие могут просчитывать до мелочей свои коварные планы, выполнять их четко и невозмутимо, а после повернуть ход событий так, что не подкопаешься. А если захотят, то и героев из себя сделают легко. Но обычно они предпочитают отсиживаться в тени, потому что по природе своей трусливы. В общем, Джонни, говорю я много, но это ничего не изменит. Плевать им всем на наши жизни. На тебя, на меня, на тех, кто стал кормом для рыб. Давай лучше подумаем о другом. Без воды мы денька три протянем, может, четыре. Потом высохнем и сдохнем.!

Какие будут предложения, капитан?

— Полпинты воды есть. — Показал я бутылку Роберта. — Это самое ценное, что осталось на корабле.

Вдруг Джек повеселел.

— Дуй быстро в кубрик. Вспомнил, там припрятана моя любимая бутылочка с потином. Быстро! — Живо командовал он.

Я нашел потин и предложил Джеку обработать рану.

— Да ты что, свихнулся. — Произнес он возмущенно. — Я лучше себя изнутри обработаю. И заодно душу прополоскаю. Рану трогать бесполезно. Последняя она у меня. Выживу — хорошо, не выживу, значит, судьба такая. Не я первый. Не хочу терпеть боль. Руки начинают отнимать-

ся, похоже. Откупорь бутылочку лучше, давай, по глоточку, помянем морячков.

Выпив, мы замолчали, несколько минут тупо смотря на горизонт.

— Ты на меня не обижайся за то, что по физиономии тебе вчера смазал. Переусердствовал, конечно, немного. Ты, наверное, понял, зачем я тебя кровью измазал. — Извинился Джек, разглядывая мое опухшее лицо, затем припал сухими губами к бутылке, глотнул пару раз и, хрипя, выдохнул. — Этой хитрости меня один старый пират научил. Так некоторые насекомые делают. Притворяются мертвыми, тем самым, спасая свою жизнь. Нам и у насекомых есть чему поучиться! Ух, хороший напиток! За глаз свой не волнуйся, до свадьбы заживет. Хотел бы я на твоей свадьбе погулять.

— Погуляешь еще. Давай, руку перевяжу. — Попытался я хоть чем-нибудь ему помочь.

— Да, ну ее к чертям, засохнет. Все равно ничего не чувствую.

— Был бы сейчас здесь мой отец, он бы тебя на ноги поднял. Он же судовой врач. — Сказал я с сожалением. Мои медицинские знания были мизерны. Вылечить Джека я не смог бы точно.

— Были бы у дедушки сиськи побольше, так он бы мог быть бабушкой. — Джек засмеялся и вдруг закрыл глаза, напрыгшись от боли. В таком состоянии он находился, наверное, пару минут, а потом продолжил. — Да, и что твой отец смог бы сделать без инструментов и лекарств? Разве, что облил меня морской водой, и конец лечению.

— Это идея! — Воскликнул я.

— Даже не вздумай. — Резко осадил меня Джек. — А вот тебе морская водичка помочь могла бы. Умойся, может синяк быстрее пройдет. В твоём возрасте ты просто обязан выглядеть красивым.

— Для кого?

— Для себя самого. И еще, на тебя ведь женщины смотрят.

— Джек, ты меня иногда просто удивляешь. — Я тоже улыбнулся. — Где ты видишь женщин?

— Женщины всегда появляются внезапно. Они охотники, покруче нас! К встрече нужно быть готовым ежесекундно! — Джек надрывно закашлялся. Немного погодя, продолжил мысль. — Может быть, какой-то простушке и понравятся шрамы на твоём лице. Но большинство женщин предпочитают неуживимых.

— А что, у них тоже вкусы есть?

— Ну, ты и баран! — Джек выразился искренне. — Продолжу. Женщину отпугивают шрамы, если, конечно, ты не адмирал. На что они западают? О, это особая тема. Вкратце скажу. На твои: обувку, попку и желание ее поймать! Так что, умойся.

— Умывался уже. Никакого облегчения. — Ответил я, вспомнив, как отмывал руки от крови. — Щиплет только сильно.

— Пожалуй, поплюю еще немного. — Вяло промолвил Джек, закрывая глаза.

— Сколько можно дрыхнуть? — Возмутился я. — Мне-то чем заниматься?

— А ты рассказывай что-нибудь, может, я и не усну. — Джек нашел в себе силы поднять веки. — Только не торопись, все подробно рассказывай. Времени теперь у нас много.

— Может быть, тебе спеть чего-нибудь, колыбельную, например?

— На ночь споешь. — Ответил он. — А сейчас лучше расскажи о себе, семье. Об отце своем расскажи. Видишь, вот даже Ханс его знает. Точнее, знал. Перебивать не стану.

Слушать могу и люблю, больше, чем говорить, но только мало таких людей встречал, каких действительно послушать стоило. Впрочем, и таких не много, которым душу хотелось открыть. Вот и варилась все размышления и переживания вместе с чужими проблемами в моей буйной голове, выливаясь изредка изо рта бранью и пустословием. Давай, еще по глоточку за возвращение домой, и начинай. Может, больше некому будет рассказать.

Я подумал, что Джек действительно прав, и поэтому начал излагать свою, в общем-то, обычную судьбу.

Глава 19

— Если уж начинать издали, то сразу скажу, что имя прадеда своего я не знаю. Вот о деде своем Джоне кое-что припомнить могу. Добрый был дед. Умер, когда мне двенадцати не исполнилось. Так вот, было у его родителей поместье маленькое в Ноттингемшире. Дед в семье младшим ребенком был. Не знаю, что там у них случилось, только, видать, тесновато стало поместье для троих взрослых детей. Вот и подался дед в Ирландию, услышав, что с землицей у нас повольней, а на деле оказалось, земли уже все распроданы.

— Ну, правильно. — Все-таки перебил меня Джек. — После шестьсот пятьдесят второго года многие в Ирландию двинули. Мой папаша тоже решил разбогатеть, да только умер через шесть лет, в пятьдесят восьмом, в один день с Кромвелем. Оставил нас с братом трехлетних на материны плечи. Извини, продолжай.

— Остановился, значит, дед в Дублине. Устроился кое-как стряпчим на конюшенном дворе. Друзей завел, женился на бабке моей. В общем, прижился, и возвращаться в Англию

даже не собирался. Домик у них был небольшой. Жили дружно. В шестьсот шестьдесят первом родился у них сын — Лемюэль, как ты уже догадался, отец мой.

Когда папе семь лет было, мать его умерла. Спасибо, соседи у них хорошие были — Свифты. Помогали они лет пять, как могли. Но муж соседки умер. Обидно, что скончался за семь месяцев до рождения долгожданного сына. А пацан родился толстый, четыре с половиной килограмма весом. Со временем отношения соседей становились все ближе и ближе. Сам посуди, у деда семилетний пацан на попечении, а у соседки годовалый ребенок. Общих проблем много. У нее нет мужа, у него нет жены. А любви всем хочется, понимаешь? Ну, в общем...

— Не экзамен сдаешь. — Джек приободрился. — Говори, как есть.

— Да, что говорить. Так оно и есть! Жили, рассказывал отец, весело. Часами, бывало, расписывал мне повадки веселой стайки мальчишек, шалившей на их улице. Как сейчас помню их имена: Вилли «Робинзон», добродушный Джон Бидл, «маленький философ и большой лгун» Питер Вильямс и драчливый Джемс Уэлч. Все дни проводили они на построенном ими же из всякого хлама «корабле» с гордым названием «Адвенчурер». В мечтах своих избородили они вшестером, включая юнгу Джонатана, все моря и океаны. По правде говоря, я немного завидовал отцу, у меня таких друзей в детстве не было.

— Слышь, Джонни. — Опять вклинился в мой рассказ Джек. — Не о тех ли ты Свифтах говоришь, у которых Джонатан — известный всем памфлетист? Он, вроде, теперь викарий в Ларакоре.

— Второй раз перебиваешь, благодарный ты этакий слушатель. Ну, а какой же еще Свифт? Он тем самым юнгой и был. Я дядюшку Джонатана всего пару раз видел. Последний раз лет шесть или семь назад. Они с отцом дружили с самого

детства. Помню, я еще малым был, когда папа и дядюшка, встретившись в очередной раз, так напились, что всю округу на уши поставили. А потом сидели до утра на кухне, обсуждая новую историю Свифта про лилипутов и великанов. Пили, конечно, громко. Я уснуть не мог. Мамка возмущалась.

Отец тогда еще ругался с дядюшкой: «Какого черта ты меня, сраный писака, в эту сказочку впутал? Будут потом дети над моим именем смеяться. Лучше бы Питера Вильямса героем своих путешествий сделал! Он языком потрепать любитель, не хуже тебя!»

— С Питером я уже разговаривал. — Ответил Свифт. — Не хочет он быть главным героем. Вильямс застолбил себе в книге место капитана, каким он всегда хотел быть.

А ты утопи его в конце! — Смеялся отец. — И вообще, придумать не можешь имена какие-нибудь? Чего нас-то впутывать?

— Не хочу я никого придумывать. Зачем выдумывать, если сама жизнь имена дает. И топить никого не буду. — Свифт уже почти разозлился.

Ладно. — Согласился отец. — В конце концов, ничего в этом плохого нет, бери мое имя. Только, давай сразу договоримся: чтобы имя было только в начале, и больше одного раза его не упоминай. Тогда ближе к концу читатель его уже забудет. По рукам?

Слово даю. — Сказал дядюшка Джонатан. — Убедишься позже, мое слово многого стоит. Не обижайся только, если я за твою несговорчивость, герою с именем твоим незавидную судьбу уготовлю.

Это уж твое дело. На то ты и писака. — Провозгласил отец.

— Читал я Свифта, кажется, читал. — Джек немного ожил и даже попытался перевернуться на бок, только

не смог. — Про липутов — такого не припоминаю, а вот «Битва книг» мне понравилась, да и последние рассуждения об отмене христианства — тоже не глупо. Ты продолжай.

— Так, вот. — Стал вспоминать я. — Дед деньжат немного подкопил и впихнул отца в Тринити-колледж, когда пацану еще пятнадцати не было. Там он три года проучился. Так и не закончил, решив свою жизнь с морем связать. Устроиться матросом на какой-нибудь корабль и самостоятельно заработать средств на жизнь. Но дед настоял на своем: надо продолжить медицинское образование. И объяснил отцу, что за всю историю ни один еще матрос из бедности не вылез. А врач на корабле — второй после капитана человек. В некоторых случаях даже первый.

У деда был старый друг Джемс Бетс, практиковал тогда хирургом в Лондоне. К нему и отправился отец на учебу. Бетс, по всей видимости, был человеком бескорыстным. За четыре года из отца неплохого врача сделал, не взяв за это ничего. Конечно, отец помогал ему в практике, которая успешно развивалась в основном среди моряков и их семей. В Лондоне отец познакомился с матерью моей — Мери Бертон. Она тогда еще совсем девочкой была, лет шестнадцати, или, даже, пятнадцати. Короче, она была младшей дочерью в семье Бертонов. Папа влюбился в нее окончательно и бесповоротно. Помню, он сто раз повторял, целуя меня и сестру, что красивые дети рождаются от красивой любви,. Наверное, их любовь действительно была сильной и взаимной...

Отец вернулся в Дублин, пообещав своей юной возлюбленной больше ни на каких на девушек не смотреть. То есть, вернуться для венчания. Слово мужское дал, взамен получив лишь женское согласие.

Почти за три года, усердно работая, отец собрал денег, для того, чтобы начать самостоятельную семейную жизнь. Он имел уже достаточно обширную практику в портовом

районе Дублина. Но в восемьдесят пятом все же устроился судовым врачом на судно, курсирующее маршрутом Дублин-Лондон и прослужил на нем три с половиной года. Занятие это был гораздо выгоднее и приятнее, чем залечивать триппер у морячков, а, главное, что он мог частенько навещать Мери. Влюбленные уже договорились о дне свадьбы, как вдруг отец Мери стал возражать против их союза, очевидно, подыскав для дочери более respectable вариант замужества. Но, в конце концов, старик сдался, хотя стал упрямыться, запретив дочери покидать Англию.

Жизнь, несомненно, распорядилась иначе. После свадьбы в шестьсот восемьдесят восьмом, когда в Лондоне начались беспорядки, молодожены, сложив четыреста фунтов приданого с заработанными отцом деньгами, благополучно отбыли в Дублин. Там смогли купить дом.

Но дела у молодоженов тогда не ладилась. Отец зарабатывал мало, а мать уже носила под сердцем Бетти. После ее рождения, дед Эдмонд навестил внучку, помог молодой семье обустроиться и даже открыть шерстяную лавку. Но через год доход от лавки резко сократился. А впоследствии, когда мне уже было восемь лет, после ввода высоких пошлин на вывоз ирландской шерсти, торговлю вообще пришлось свернуть.

Почти сразу после моего рождения, когда Бетти была годовалой девчонкой, отец получил выгодное предложение работать судовым хирургом на большом судне, следующим в Индию. На этом корабле служил его хороший друг из Лондона, выходец из России по странному имени Говор. Кстати, этот самый Говор сообщил, что доктор Бетс скончался в полном одиночестве, приняв чрезмерную дозу снотворного.

Мама была против того, чтобы отец двух малолетних детей отправлялся в столь далекое и продолжительное путешествие,

но семейный бюджет пополнять все-таки, как-то было надо. За мужчину в доме оставался дедушка Джон, папин отец, который, собственно, и воспитал меня.

За двенадцать лет плаваний отец бывал дома нечасто и оставался совсем ненадолго, зато прекрасно обеспечивал нас, что позволило Бетти изучить швейное мастерство, и даже в этом преуспеть. А мне удалось, учась в грамматической школе, подготовиться к поступлению в Тринити-колледж. Все бы так и было хорошо, но в тысяча семьсот втором году дедушка Джон умер. Отцу надо было подумать о том, что дом без мужчины это проходной двор. Тем более, после объявления войны Испании плавать стало не столь безопасно, как раньше. Посоветовавшись, родители решили вложить деньги в конюшенный двор, на котором работал дед. И не ошиблись. Конюшня доставляла нам, а особенно отцу не только настоящее наслаждение, но и приносила хороший доход. Кроме всего прочего, отец успевал подработать, леча, то и дело, обращавшихся к нему пациентов.

Жили мы счастливо. Я учился в колледже, не испытывая никаких трудностей. Родители любили друг друга, и эта любовь отражалась на всем, что нас окружало. Бетти запуталась в женихах. Она забывала, кому накануне успела пообещать выйти за него замуж. Но вдруг, можно сказать внезапно, попросила благословения у родителей! Это после одной вечеринки, о которой я кое-что знаю, но даже под угрозой попасть в ад не скажу никому. Потому, что дал сестре слово молчать.

Через восемь месяцев после свадьбы, Бетти родила дочь. Все были в восторге. Кроме отца. Он в это время он был в Ост-Индии, вернувшись опять к морскому делу. Вторую внучку, родившуюся через год, папа тоже не видел. Муж Бетти — Ричард, хоть и нудотина, но в детях своих души не чаял. Мать его просто боготворила и в пример мне постоянно ставила.

Отец уже должен был скоро вернуться. Жаль, что с ним я так и не встретился перед нашим отплытием. Он ведь даже не знает, как я колледж закончил. Теперь вот, вообще, неизвестно, что дальше нас ждет.

— Не переживай, все будет прекрасно. — Попытался успокоить меня Джек. — Выкрутимся как-нибудь. Воды здесь тихие, течения ровные, акулы сытые, так что шанс выжить у нас есть.

— Дай Бог. — Произнес я тихо, наблюдая за тем, как у Джека закрываются веки, и он опять погружается в сон...

*Публикуется в ознакомительных целях
по согласованию с автором.*

Не для продажи!

Все права защищены!

Перепечатка только с согласия автора.

*По вопросам приобретения, распространения,
спонсорского участия и издания книги обращайтесь
в Частное издательство «Золотое сечение».*

www.zs-izdat.ru

info@zs-izdat.ru

8 (962) 949-83-96